

А. А. Федорович

**Генерал
В. О. Каппель**

Издание Русского Дома в Мельбурне

Мельбурн

1967

Библиотека Англиканского
прихода.

А. ФЕДОРОВИЧ

Генерал Каппель

Издание Русского Дома в Мельбурне

Мельбурн

1967

ВСТУПЛЕНИЕ

Биография и деятельность всех Белых Вождей в достаточной степени ярко и правдиво изложена на многих страницах. Описаны их непримиримая борьба с красным злом, их часто невыносимо-тяжелые минуты в процессе этой борьбы и личные подвиги. Но о генерале Каппеле, Главнокомандующем армиями Адмирала Колчака в ее наиболее тяжелые дни, нет ничего, кроме общих скупых и сухих фраз. А, между тем, он является одним из наиболее ярких и непримиримых вождей Белого Движения, человеком особых взглядов и военачальником своих, особых методов ведения гражданской войны. Но как увидит читатель, Каппель был, наверное, и самым несчастным человеком среди Белых Вождей. Период Белой Борьбы кончился более сорока лет назад. О причинах неудачи Белого Движения писалось и говорилось много и задевать этот вопрос, в данном случае, не приходится. Спорить о том, что Белое Движение имело свои недочеты и ошибки не приходится тоже. Поэтому, излагая историю Ген. Каппеля, в целях ее правдивости и возможной объективности, необходимо было задеть

и упоминаемые выше ошибки. Это неуклонно вытекает из всех материалов, собранных мною в течение более шести лет. Среди этих материалов наибольшее значение имеют воспоминания полковника Василия Осиповича Вырыпаева, прошедшего с ген. Каппелем всю гражданскую войну, от Самары до его смерти. Материалы о службе ген. Каппеля в мирное время прислал его сослуживец, ныне уже покойный, полковник Сверчков. В книге есть, конечно, большие пробелы, напр. ген. Каппель на 1-ой германской войне, но достать все материалы теперь невозможно. Невозможно было достать и послужной список ген. Каппеля, так как он пропал во время Ледяного похода. Может быть, многим покажется, что издание этой книги вообще бесцельная и ненужная вещь, но я смею думать, что период гражданской войны в России когда-то войдет в курс русской истории самостоятельным отделом, и тогда нужны будут все данные об этом периоде. Разумеется это будет тогда, когда историки будут писать свободно, а не по указке партии.

А. Ф.

Генерал В. О. Каппель

ГЕНЕРАЛ КАППЕЛЬ

На белом фоне наружной стены церковного алтаря резко вычерчивал свой профиль черный гранитный крест. Терновый веночек обвивал подножие креста, а ниже, на бронзовой доске, буквы сплетались в имя, которое носили многие тысячи тех, кто шли когда-то безотказно веря в того, кто лежал теперь под гранитным крестом. Непримиримые бедняки, убивавшие свои силы часто на непомерно тяжелой работе, часто голодные, не знавшие что их ждет завтра, часто с больным израненным телом, они по грошам собирали деньги, чтобы над могилой вождя воздвигнуть этот крест с терновым венком. Они не могли, не имели права перед своей собственной совестью, сделать иначе. Здесь, у церковного алтаря, спал вечным сном тот, кто вдохнул в них пафос непримиримой борьбы на далеких берегах Волги, кто вел их по заснеженным просторам обледенелой Сибири и кто, спасая их от бешеных ударов красного шквала, упал обессиленный, без сознания на лед дикого Кана. Он стал для них той животворной идеей, которая давала смысл их искалеченной жизни, тем вечным для них огнем, который питал пламя их непримиримости.

Проплывали в своем извечном, беспощадном движении над памятником года. Серебряным снегом изукрашивала его зима, песней воскресающей жизни приветствовал его апрель, яркие блики летнего солнца сплетали на нем свой узор, золотом маньчжурской осени расцветали окружающие его деревья.

Но все те годы, жарким июльским днем во Владимир день, молчаливые люди стояли у креста. Единственное в мире панихидное пение, православное, русское, плыло над этими людьми; чуть видными клубами дымился ладан кадильный. Спасенные молились о душе спасшего их.

Потом у креста вдруг стали появляться новые люди. В военной форме с погонами на плечах, они внимательно осматривали памятник и качали головами. — «Так вот он где», — задумчиво говорили они. Но пока они были в городе, они, враги, ни разу не оскорбили памятника и того, кто под ним лежал и когда-то боролся с ними. Может быть, им, как военным, импонировала военная слава и легенды, крепко связанные с именем спящего под гранитным крестом. Но и они ушли. А вскоре около креста появилась группа одетых в штатское платье людей. Они громко смеялись, тыкали в надпись на доске палками. Уходя один из них бросил — «Завтра же». И завтра утром ломы, топоры и кайлы рабочих китайцев вонзились в тело памятника. Расколотый на куски упал гранитный крест, рассыпалось сплетение тернового венца и пинком ноги отбросил далеко китаец бронзовую доску. На доске надпись — «Генерального штаба генерал-лейтенант Владимир Оскарович Каппель».

Всесильна и часто беспощадна память человеческая. И сегодня, спустя больше чем сорок лет, она снова и снова шепчет незабываемые слова. И под этот шопот ярко, до боли, воскресают страшные дни, когда не было пути конца, когда черные сосны тайги или шальная метель сибирских просторов провожали тех, кого он вел. Рассказывает память и о том, как спасая веривших ему до предела людей, он сам, умирая думал не

о себе, а об этих людях. А они, отсчитывая бесчисленные версты, знали, что он с ними. Даже тогда, когда уже был в гробу.

На каком-то крутом повороте сани занесло в сторону и сильно трянуло. От этого толчка Каппель на минуту пришел в себя. Все тело ныло, тряс жестокий озноб, голова горела огнем, ног как будто не было вовсе, туман заливал сознание. Глаза успели разглядеть черное небо с горящими звездами, ухо уловило скрип полозьев и голоса людей. Успел подумать: «С Армией, не один — нужно быть с ней до конца». И снова бредовое забытье залило мозг.

Но почему-то вновь начинает трясти и подбрасывать измученное тело. Это опять приводит в себя. Генерал видит себя на какой-то высоте — сзади, спереди черной лентой тянутся сани — он видит их сверху. Какая-то сила поддерживает его на этой высоте. Каппель собирается с мыслями — оказывается он почему-то верхом, а сбоку всадник-великан крепко держит его за талию, чтобы он не упал. «Верхом — значит лучше», мелкает на миг в мозгу, и снова все исчезает в дымке серого тумана. На минуту выплывает в памяти бледное лицо с мученическими, трагическими линиями и единственные в мире страшные, горящие тоской и болью глаза — шесть орлов на плечах — Адмирал. Потом музыка, цветы, толпы народа, оглушительные крики приветствий, горячее солнце в синем небе — Казань, Симбирск. И опять все путается, заплетается в сумбурный клубок темного бреда.

Но Главнокомандующий с Армией, полуживой, без сознания, верхом...

Темная злая ночь. Кругом в морозном тумане перевозанный хаос. Скалистые, обрывами падающие берега ошетились черными соснами. И под ними мерцает, горит искрами ровный полог снега на льду замерзшего

Кана. Обманчивый, смертоносный полог — где-то у береговых скал бьют не замерзающие круглый год горячие ключи. Под снежной пеленой невидимые, они гонят свою воду по толстому льду реки. И горе тому неопытному, кто поверив белому, чистому снегу, неосторожно ступит в этом месте на него. Нога проваливается в мягкий снег, попадает в скрытую от глаз воду и потом через два шага покрывается слоем льда. Лошади рвут в кровь венчики копыт, сани обледеневшими полозьями примерзают к дороге.

Главнокомандующий делит с Армией ее труд и боль. Вчера, ведя коня в поводу, он попал на такое страшное место. Но также попадали сотни и тысячи — и он продолжал идти. Потом стало плохо, померкло сознание. Главнокомандующего положили в сани, укрыли шубами — он метался в бреду. Но где-то остановившись на минуту, сани примерзли ко льду. Генерала посадили в седло; огромного роста и силы доброволец ехал рядом, удерживая Каппеля в седле. И сейчас, возвышаясь над колонной, в бреду, без сознания, но в седле, он идет с этими верящими в него, обреченными людьми.

От деревни Подпорожной, где спустились на лед Кана, до деревни Барги девяносто верст. Между ними безлюдная ледяная пустыня, снег, скалы и мороз, беспощадный, лютый. Падают на окаянном пути обессилевшие кони; опускаются на снег также обессилевшие люди. И издеваясь над ними, к снегу под ногами прибавляется другой, который начинает падать с неба. А через час там, где упал человек — только небольшой холмик и все. Рвущуюся к жизни и борьбе Армию ведет умирающий Главнокомандующий:

Дорога становится лучше, укатаннее. — До Барги уже недалеко. Снимают с седла, снова кладут в сани Каппеля, укрывают шубами, везут... На утро замаячили избы Барги.

Вносят Каппеля в теплую избу, снимают валенки. До самых колен ноги твердые, как дерево, не гнутся. Несколько пар рук оттирают их снегом. Но часть пальцев уже умерла — спасти их нельзя. «Ампутировать немедленно», говорит врач. Но чем? Все его инструменты пропали где-то в пути.

Простой кухонный нож обжигают на огне, протирают спиртом...

На другое утро генерал пришел в себя.

«Доктор, почему такая адская боль в ногах?» И, услышав ответ, закрывает глаза. Но сознание очистилось от бреда — он слышит, как за окном скрипят сани, слышит чьи-то голоса.

«Армия идет — нужно быть с ней», шепчет, проснувшаяся воля.

И уже ясно и твердо смотрят на окружающих сероголубые глаза.

«Коня», бросает он. «Опять в бреду», шепчут окружающие, но властно и отчетливо повторяет Каппель — «Коня!»

Все знают, что редко звучат такие нотки в голосе Главнокомандующего, но, когда они начинают слышаться, то все понимают, что воля Каппеля — закон. Под руки выводят на улицу, сажают в седло. Рядом, на всякий случай, опять тот же великан доброволец.

Каппель трогает коня — на улице все те же люди, верящие в него. Они идут, прорываясь на восток.

И, забыв о жгучей боли в ногах, о том, что ноет каждый сустав, Каппель выпрямляется в седле и подносит руку к папахе...

Главнокомандующий идет с Армией.

ЧАСТЬ 1

12-го января 1881-го года жестоким штурмом генерал Скобелев взял крепость Геок-Тепе. Среди отличившихся при штурме был Оскар Павлович Каппель, ординарец Скобелева, награжденный Георгиевским крестом. Это был отец Владимира Оскаровича. Дед Владимира Оскаровича со стороны матери был георгиевским кавалером за Севастополь. Установить точно откуда вышла фамилия Каппелей не удалось, но по всем признакам в их жилах текла скандинавская кровь.

В уездном небольшом городке Белеве, Тульской губ., в 1881 году родился будущий герой Белой борьбы. Как сын военного, он оканчивает 2-ой кадетский корпус в Санкт-Петербурге, а в 1906 году, по окончании Николаевского Кавалерийского Училища, произведенный Высочайшим Приказом в корнеты, выходит в 54-ый драгунский Новомиргородский полк, переименованный в 1907-м году в 17-ый уланский Новомиргородский полк. Вот что пишет в своем письме его сослуживец, ныне покойный, полковник Сверчков о молодом Каппеле:

«В. О. Каппель был убежденным монархистом, преданным вере православной, Батюшке-Царю и своей родине России. Из большинства г.г. офицеров полка он

выделялся всесторонней образованностью, культурностью и начитанностью, думаю, что не осталось ни одной книги в нашей обширной библиотеке, которую он оставил бы непрочитанной. В. О. не чуждался общества, особенно общества офицеров полка, любил со своими однополчанами посидеть до поздних часов за стаканом вина, поговорить, поспорить, но всегда в меру, без всяких шероховатостей; поэтому он был всеми любим и всеми уважаем. В военном духе он был дисциплинирован, светски воспитан. В. О. любили все, начиная от рядового 1-го эскадрона, в котором он вместе со мной служил, до командира полка включительно. Внешний вид его сразу внушал симпатию — выше среднего роста, сбитый, хорошо сложенный, ловкий, подвижный, темный блондин с вьющимися короткими волосами».

В других воспоминаниях полк. Вырыпаев, бывший с В. О. с начала Белого Движения до последних его минут, пишет об особой силе обаяния Каппеля. Чаровали его серо-голубые глаза, его мягкость и тактичность в обращении. Но когда это было нужно, глаза его темнели и такая воля загоралась в них, что никому не пришло бы в голову противоречить. Тот же полк. Вырыпаев пишет, что за все время общения с В. О. последнего только два раза покинула его сдержанность, о чем будет сказано ниже.

Ровность и мягкость в обращении, крайняя скромность, полное спокойствие в боевой обстановке, умение разбираться в людях и действовать на их психику, огромная способность учитывать в любой момент любую обстановку и использовать ее, постоянное чувство ответственности за доверенных ему людей, полное отсутствие сухого формализма и постоянная связь и близость с войсками, какое-то особое чутье, благодаря которому он являлся всегда в ответственный момент в наиболее опасном месте и зажигал верою в победу войска, наконец, то, что он никогда не пользовался своим положением и делил наравне с войсками все их горести и радости, бессонные ночи, зачастую голод и холод, — делали его каким-то полу-божеством, особенно, среди молодежи. Пожалуй, больше чем кто-нибудь он разбирался в психологии и способах ведения гражданской

войны. Будучи сам убежденным монархистом, он не навязывал это никому, не говорил об этом.

«Говорить сейчас о восстановлении монархии — это значит только вредить ей», таков смысл его разговоров с самыми близкими людьми о будущем России.

Профессор Гинс в своей книге «Сибирь, союзники и Колчак» пишет, что однажды Верховный Правитель назвал Каппеля партизаном. И это было так, ибо по мнению В. О. гражданская война — война по существу партизанская и выиграет ее тот, на чьей стороне будут симпатии народа.

«Один ложный шаг может погубить все дело», говорил Каппель. Во время операций на Волге все взятые в плен красноармейцы, как правило, отпускались разоруженные на волю, и задерживались для разбора и суда только коммунисты. Это заставляло рядовую красноармейскую массу задумываться, а Каппелю отдавали и Симбирск и Сызрань, и Казань. Отпущенные Каппелем красноармейцы, даже вернувшись в свои части, психологически не могли бороться жестоко с теми, чей командир отпустил их живыми, а ему создавали популярность даже среди красноармейцев. На это положение можно возразить, что все равно победителем оказалась армия красная, но дальнейшее изложение покажет, что это вина не Каппеля.

До предела порядочен был В. О. в личной жизни. Сила его обаяния, его серо-синие глаза, вся внешность кружила женщинам головы, лишала их здравого смысла, но никогда Каппель не воспользовался этим и не искал дешевых побед. Живя почти четыре месяца в Кургане на формировании своего корпуса, он не имел в городе близких знакомых и нигде не бывал, проводя все время в штабе.

Но наверное никто из Белых Вождей не переживал той особенной драмы, которая выпала на его долю. После развала фронта 1-ой Великой Войны судьба занесла его на Волгу, в Самару. Там скоро образовалось Правительство из членов разогнанного большевиками Учредительного Собрания, большей частью эс-эров, так называемый «Комуч». Каппелю они не верили, как человеку правых убеждений, и если считались с ним, то

только по необходимости. В то же время Омск не верил Каппелю, как имевшему дело с эс-эрами. И если Комуч был скоро разогнан, то Омская Ставка подчеркнуто осторожно относилась к Каппелю.

Верховный Правитель, почти не имея около себя людей богатых опытом государственного управления, не представлявший, что значат слова «карьеризм» или «ложь», метался в поисках правды. Но очень часто он, сам воплощение честности и чести, слышал слова и доклады, которые этими качествами не отличались. Мягкие осторожные, но пропитанные совсем не положительными свойствами слова, слышал он о Каппеле.

«Комуч... эс-эры... их ставленник... конечно талантлив, но...» И естественно, что с известной долей предубеждения встретил он Каппеля, приехавшего для доклада в Омск. Но когда встречаются две честные натуры, горящие одним огнем и одной идеей и верой, то скоро они узнают себя один в другом и после получаса разговора оба смертника Адмирал и Генерал поняли друг друга и поверили один другому. Но Адмирал был Правитель и не мог знать тех бесконечных мелких уколов и мелочных препятствий, которые ставились Каппелю в дальнейшем, а последний считал ниже своего достоинства апеллировать к Адмиралу, а кроме того, не считал себя в праве отнимать у него время. Но горечь и боль не отходили ни на миг. В дальнейшем мы увидим какие препятствия ставились Каппелю в его работе и тогда понятны станут тяжелые минуты не раз пережитые им. Но у него была одна цель — освобождение России от коммунизма и эта цель настолько владела им, так пропитала его, что она могуче лечила и раненое самолюбие и беспочвенные обвинения. И тогда, когда настал роковой момент, когда трещал и рушился фронт, когда изменяли союзники — тогда Адмирал сказал Каппелю: «Владимир Оскарович, только на вас одна надежда». Примерно также сказал ему и тогдашний герой Сибири, командующий 1-ой Армией генерал Анатолий Николаевич Пепеляв.

И забыв все тяжелые минуты, Каппель принял это

назначение, чтобы спасти Армию или погибнуть с ней. Иного выхода, казалось, не было.

Но оказался третий — он погиб, но Армия была спасена.

Как уже было сказано, Каппель в 1906 г., по окончании Николаевского кавалерийского училища вышел корнетом в 54-ый драгунский Новомиргородский полк, переименованный в 1907 г. в 17 уланский Новомиргородский полк. В 1906-м году полк был командирован из Варшавской губ., где была его стоянка, в Пермскую губ. с целью ликвидации большой шайки бывшего унтер-офицера Лбова. Своими разбоями, проводившимися под вывеской революционной борьбы, шайка терроризовала всю Пермскую губернию. Между прочим, Алданов в своем произведении «Самоубийство» упоминает этого Лбова. Полк был размещен по эскадронно и первый эскадрон, в котором служил Каппель, стоял в Перми. Здесь же В. О. был назначен полковым адъютантом, и здесь же в его личной жизни произошло событие большой важности.

В нескольких верстах от Перми находится большое село Мотовилиха, где тогда был расположен пушечный завод. Директором этого завода был инженер Стрельман, который вместе со своей женой относился ко всем офицерам-кавалеристам с большим предубеждением, считая их легкомысленными ветрогонами и прожигателями жизни. Это мнение их строилось на основании сплетен, разлетавшихся по провинциальной Перми, всегда преувеличенных и прикрашенных, о той веселой жизни, которой в свободное от службы время жили офицеры полка. Поэтому вход в дом Стрельманов офицерам полка был закрыт. Но нужно сказать, что главной причиной этого подозрительного отношения было то, что у стариков Стрельманов была дочка Ольга Сергеевна, которую они берегли пуще зеницы ока. Но в данном случае полностью оправдалась пословица, что суженого конем не объедешь.

Где-то случайно, на каком-то уездном балу, Ольга Сергеевна познакомилась с Каппелем. Если на него сразу произвела огромное впечатление ее привлека-

тельность, то и она сама тоже оказалась во власти обаяния серо-голубых глаз молодого офицера.

Но так как не только Каппелю, но и самому командиру полка вход в дом Стрельманов был закрыт, то молодые люди должны были видаться тайком, а письменную связь поддерживать через горничную Ольги Сергеевны, переносившей за щедрое вознаграждение Каппеля их записки от одного к другому. Разрешить это тяжелое положение помог им случай. Стрельман был вызван в управление завода в Петербург и с ним вместе уехала его жена, оставив дочку под наблюдением своего хорошего знакомого, старика инженера, который для более успешного выполнения этой миссии переселился в дом Стрельманов. Но это не помогло.

Темный сад, деревья под снегом, в глубине большой дом, окна ставнями закрыты, слышно как за забором промерзшие лошади нетерпеливо переступают.

Каппель ждет.

Чья-то тень мелкнула между деревьев, совсем близко любимые глаза... А потом в санях, в снежном облаке, сумасшедшим махом несут полковые лучшие кони их обоих в туманную даль. Потом свет в окнах маленькой деревенской церкви, возбужденные лица сослуживцев, какое-то подобие хора и сельский священник в старом **выцветшем** облачении, надевая кольцо на его руку, негромко произносит так страстно-желанные слова:

«Обручается раба Божия Ольга рабу Божию Владимиру».

Все прошло так, как полагалось в славных кавалерийских полках, и из церкви Ольга Сергеевна вышла уже под фамилией Каппель.

Заехав на несколько минут домой, чтобы взять необходимые вещи, она с мужем уехала в Петербург, оставив старика инженера почти без сознания от неожиданного сюрприза.

Приехав в Петербург, молодожены предусмотрительно направились сперва к матери В. О., которая приняла их с распростертыми объятиями, а потом к родителям Ольги Сергеевны. Но те, оповещенные о случившемся телеграммой из Перми, отказались принять молодых и они снова уехали к матери В. О.

Такой разрыв дипломатических отношений продолжался довольно долго, пока Стрельманы не узнали, что В. О. принят в Академию и проходит там курс. Это заставило их увидеть в нем не кутилу-кавалериста, а серьезного человека, и они положили гнев на милость.

У В. О. и О. С. Каппелей было двое детей — дочь Татьяна, родившаяся в 1909 г. и сын Кирилл, родившийся в 1915 году. О судьбе О. С. Каппель точных сведений нет. Известно, что в 1918 году она жила в Екатеринбурге у родных. В это время Каппель пробирался с разваливающегося фронта и был заброшен судьбой в Самару, где и начал свою легендарную борьбу с коммунизмом. Ольга Сергеевна была увезена каким-то комиссаром в Москву в качестве заложницы и дальше все ее следы исчезли. Ходили слухи, что после крушения Белого Движения она встретилась с детьми, оставшимися в Иркутске, но соответствует ли это истине — неизвестно.

Окончив Академию по первому разряду, В. О. нес службу офицера Генерального штаба и на первую мировую войну вышел в чине капитана Генерального Штаба, как старший адъютант штаба 37-ой пехотной дивизии, а под конец войны был начальником штаба той же дивизии.

Как было сказано выше, В. О. Каппель до своего конца исповедывал монархические взгляды. Февральскую революцию он пережил в нравственном отношении очень тяжело, может быть, тяжелее, чем октябрьскую, так как вторая явилась естественным продолжением первой. В. О. Каппель понимал, что после февраля оздоровление страны может быть только тогда, когда сильный и умный диктатор, придя к власти, уберет с Российского пути звонко болтающее правительство Керенского. В противном случае большевики безусловно захватят на какое-то время власть в свои руки. Попытка ген. Корнилова, единственного в то время человека способного повести Россию по первому пути, кончилась неудачей, благодаря двоедушию и трусости Керенского. После этого октябрь стал логическим заключением февраля и для Каппеля остался один путь — путь борьбы с новой властью, путь борьбы за Россию.

Но будучи убежденным монархистом В. О. понимал, что говорить в то время об этом, звать к этому значит только вредить принципу монархии. Взбесившаяся страна, от полуграмотного солдата до профессоров и академиков, отрешивалась от этого. Всякое напоминание об этом заставляло настораживаться. «Призрак реакции» только разжигал эту злобу к старому. Надо было не говорить, а действовать, доказывать какое зло и горе несет России советская власть. Надо было уничтожить главный источник этой ненависти, то-есть, эту самую власть, а потом, когда страсти остынут, звать русский народ к настоящей русской жизни, возглавляемой потомками тех, кто триста лет вел страну по пути славы и правды.

В. О. слишком чтит ушедший в феврале строй, чтобы дешевыми, звонкими фразами говорить о нем — это был для него слишком серьезный вопрос, к которому следует относиться особенно бережно. Каждый злобный, грязный и, в большинстве, до идиотизма глупый выкрик в адрес прошлого глубоко ранил его душу и оскорблял его. Давать лишний повод к этому он не имел права по своим убеждениям; спорить, доказывать было бесполезно; погибнуть за это во время таких споров он не считал себя в праве, так как в душе и уме уже созрело решение встать на путь борьбы с советской властью, конечным этапом каковой было восстановление старого порядка. Но он об этом молчал и только совсем немногие, самые близкие люди знали это. «Говорить о монархии теперь — это значит только вредить ей», говорил он им.

У нас нет материалов, объясняющих почему В. О. не оказался на Дону у ген. Корнилова. Надо полагать, что просто в силу тогдашних причин ему не удалось это сделать. Во всяком случае, к июню 1918 года судьба его забросила в Самару, где он и начал свой последний блестящий и тернистый путь.

Председатель Ревкома Самары тов. Куйбышев уже со середины мая был встревожен и озабочен. С одной стороны, «взбунтовавшиеся», по выражению Троцкого,

чешские эшелоны с боями двигались в направлении Самары. Кое-как сколоченные красные части не могли противостоять хорошо вооруженным, дисциплинированным, с опытным командным составом чехам и отступали под их натиском. Над городом нависла угроза занятия его чехами, а Куйбышев и его помощники отлично знали, что с ними шутки плохи. С другой стороны, Куйбышеву его сексоты доносили о какой-то противосоветской организации, состоящей, главным образом, из молодежи. Вдобавок к этому, в городе и легально и нелегально проживало много членов Учредительного Собрания, почти все состоявшие в партии эсэров, ярых врагов Ленина, и ходили слухи, что и они ведут какую-то работу против советской власти. Но главное, конечно, были чехи. Из Москвы шли грозные приказы Троцкого задержать, обезоружить и вообще ликвидировать «взбунтовавшихся прихвостней Антанты», но исполнить это было не так просто. Словом, было над чем задуматься.

Двигаясь через Пензу на Сызрань, чехи к началу июня нависли над Самарой. К этому времени один из наиболее активных членов противосоветской организации в Самаре, подполковник Галкин сумел связаться с наступавшими чехами и получил от них сообщение, что они решили взять город 6-го июня. Заговорщики собрались небольшими группами по конспиративным квартирам, ожидая атаки чехов, чтобы помочь им.

Но в силу непредвиденных причин чехи начали обстрел города только 7-го июня к вечеру и на рассвете 8-го вошли в город. Красные части отходили на север, частично погрузившись на пароходы. В 10 часов утра 8-го июня было объявлено о формировании нового правительства, состоявшего из членов Учредительного Собрания. Для заведывания военной частью был назначен подполковник Галкин, тоже член партии эсэров. К полудню по всем улицам города было расклеено воззвание о вступлении в народную противосоветскую армию. Здание женской гимназии, где производилась запись, было забито молодыми добровольцами.

В тот же вечер состоялось собрание офицеров генерального штаба, проживавших в Самаре, на котором

обсуждался вопрос о том, кто возглавит добровольческие части. Желающих взять на себя тяжелую и ответственную роль не оказалось. Все смущенно молчали, опустив глаза. Кто-то робко предложил бросить жребий. И вот тогда, скромный на вид, почти никому неизвестный, недавно прибывший в Самару офицер встал и попросил слова: «Раз нет желающих, то временно, пока не найдется старший, разрешите мне повести части против большевиков», спокойно и негромко произнес он. В этот момент история вписала в свою книгу Белой Борьбы имя подполковника Генерального Штаба Владимира Оскаровича Каппеля.

Генштабисты переглянулись, наиболее старые чуть заметно пожали плечами — Каппель был слишком молод. ему шел 37-й год; внешность его тоже не соответствовала виду серьезного, большого военачальника; даже небольшая русая борода не делала его старше. Но никто не взгляделся в его глаза — серо-голубые, они смотрели холодно и непреклонно, выявляя негнушающую волю.

Но, во всяком случае, желающий вести зеленую, в большинстве необученную военному делу молодежь нашелся.

В это самое время новое правительство вело переговоры с чешским командованием, упрасывая его задержать чешские части в Самаре, хотя бы на некоторое время, чтобы укрепиться, сколотить свою армию и быть в состоянии дать отпор красным, которые безусловно примут все меры, чтобы вернуть Самару. Чехи дали согласие, но при условии, если Самарское правительство пошлет свои воинские части к Сызрани, где на чешские арьергарды наседали превосходящие их силы красных. Правительство на это согласилось, не зная обстановки, не учитывая сил и, вообще, как глубоко-штатские люди, не могли принять во внимание те факторы, которые крайне осложняли, а может быть делали невозможным это предприятие.

Каппель в это время организовывал поступивших добровольцев. В его распоряжении оказалось всего 350 человек. Эта горсточка состояла из 90 человек пехоты (капитан Бужков), 45 сабель (штабс-ротмистр Стафиев-

ский), отдельная Волжская конно-артиллерийская батарея, около 150 человек при двух орудиях (полковник Вырыпаев), небольшая конная разведка и хозяйственная часть. Бросить такой отряд против красных, превосходящих его числом во много раз, казалось безумием.

Но приказ о выступлении на Сызрань, до которой от Самары около 100 верст был отдан, и Каппель погрузил свой отряд в вагоны. И 11-го июня Сызрань, оставленная чехами под давлением красных, была им взята. За 14 верст до Сызрани, на станции Батраки, Каппель выгрузил свой отряд и, обрисовав обстановку, дал каждому начальнику задание. В 18 верстах западнее Сызрани, на станции Заборовка, стояли красные эшелоны. По директиве Каппеля ровно в 5 часов утра 11-го июня главные силы — около 250 человек атакуют город в лоб. Кавалерия Стафиевского и батарея Вырыпаева должны были глубоким обходом с севера выйти на станцию Заборовка и, энергично обстреляв эшелоны и заняв станцию, ударить на город с запада, разрушив по пути железнодорожное полотно. Разгром станции был назначен тоже на 5 часов утра.

Расчет, сделанный Каппелем был математически правильным и в 5 часов утра на эшелоны красных на станции Заборовка упали первые снаряды Вырыпаева. Эшелоны были разбиты, красноармейцы разбежались и вспыхнули цистерны с нефтью. Через два часа конница и артиллерия вошли с запада в город и встретили остальную часть отряда. Этой части пришлось гораздо труднее, так как красные упорно защищали город, но, услышав о разгроме Заборовки, разбежались.

На улицах города были видны следы уличного боя — валялись убитые, разбросанное военное имущество. Красные отошли к Пензе и из простых теплушек был немедленно составлен броневик, преследовавший их до города Кузнецка. На своих позициях красные бросили пулеметы и орудия, а военные склады полностью достались Каппелю. Он был, действительно, душой операции, везде поспевая, все учитывая, все предвидя. Это был головокружительный успех и вся операция прошла с пунктуальной точностью согласно распоряжений Каппеля, создав сразу ему огромную популярность и окружив

его имя ореолом победы. Если принять во внимание, что только на станции Заборовка стояло пять эшелонов и в самом городе был сильный гарнизон, что превосходило силы Каппеля не меньше чем в 5 раз понятен будет этот ореол.

Ровно в 12 часов того же дня в Сызрани состоялся парад Каппелевского отряда. Бесконечные рукоплескания населения, крики приветствий, цветы, толпы народа — все это еще больше подняло дух добровольцев. После парада их всех тащили по домам, угощали, благодарили. И вся эта молодежь стала с гордостью говорить: «Нас ведет Каппель». За всю операцию было потеряно убитыми 4 человека, тогда, как потери красных были огромны. Под Сызранью Каппель первый раз применил элемент неожиданности и быстроты.

В отряд потянулись новые добровольцы, а захваченное военное имущество дало возможность формировать новые и пополнять старые части.

С этого дня белые части стали носить название Народной Армии. Нужно добавить, что в то время чины армии погон еще не носили и знаком отличия была белая повязка на левом рукаве.

Отдохнув сутки в Сызрани, Каппель со своими частями вернулся в Самару и сразу же из вагонов эшелона погрузился на пароход «Мефодий». Теперь в его задачу входило овладение городом Ставрополем и прилегающими селами, где, по сведениям разведки, были сгруппированы крупные красные силы при большом количестве пулеметов и сильной артиллерии. Не доходя 15 верст до Ставрополя, «Мефодий» пристал к левому берегу Волги и части Каппеля выгрузились. Для быстроты движения к городу в ближайшей деревне для пехоты были временно взяты подводы, за которые, по приказу Каппеля, платили по 15 рублей. Эта быстрота движения давала всегда в руки Каппеля элемент неожиданности, а противнику не давала возможности выяснить силы белых частей. Имея впереди конные разъезды, отряды Каппеля быстро двигались вперед и при встречах с противником неутомленная переходами пехота неожиданно выростала перед красными, внося этим смятение

в их ряды. Каппель, как правило, был всегда верхом впереди своих частей.

Красные сгруппировали большие силы с артиллерией и пулеметами в 18 верстах от Ставрополя, около деревни Васильевки. Бой здесь затянулся, противник превосходил белые силы и количественно и силой своего огня. Белая пехота несла большие потери и залегла, у артиллеристов осталось только 25 снарядов. Тогда Каппель приказал одному орудью Вырыпаева быстро выдвинуться насколько возможно вперед, и обстрелять с предельной близости пулеметные позиции противника, а всей коннице широким аллюром пойти в обход правого фланга красных. Орудие карьером вынеслось вперед и через несколько минут Васильевка была взята. Красные бросили там 28 пулеметов и 4 орудия. Пехота была посажена снова на подводы и весь отряд стремительно двинулся дальше, преследуя красных. На плечах противника Каппель ворвался в город и занял его. Район был очищен от красных. Согласно приказа Самары отряд должен был после взятия Ставрополя вернуться обратно. Но во время погрузки на «Мефодий» захваченного в Ставрополе военного имущества к Каппелю явились крестьяне дер. Климовки, находящейся на правом берегу Волги, и просили освободить их район от красных. Снесясь по прямому проводу с Самарой, Каппель перебросил свои силы на правый берег и на другое утро, после короткого боя, занял Климовку. Остановившись здесь на дневку, отряд ночью подвергся нападению красных, подошедших к берегу на двух пароходах. На «Мефодии» было оставлено два молодых добровольца, но или они заснули, или приняли красные пароходы за свои, но отряду они ничего не сообщили. Красные их захватили и впоследствии их изуродованные тела были найдены в селе Новодевичьем. Но ночной налет красным не удался — уже привыкший к боевой обстановке отряд, перешел сам в наступление, противник, бросив пулеметы, был прижат к берегу и, быстро погрузившись на пароходы, отошел на север. Эти части прибыли из Сингелея, где уже был сформирован штаб Сингелеевского фронта, которым командовал бывший поручик Мельников.

В 18 верстах от Климовки было село Новодевичье,

где, по сведениям разведки, было около двух тысяч красноармейцев, матросский полк в 800 человек, большое количество пулеметов и артиллерия. Село было сильно укреплено и являлось серьезным экзаменом для 400-500 добровольцев, считая прибывшую от Атамана Дутова сотню оренбургских казаков под командой эсаула Юдина. Но так как к этому времени в представлении белых частей слова «Каппель» и «Победа» стали синонимами, то никто не сомневался в удачном исходе.

В десять с половиной часов вечера белые части подошли к лесу в пяти верстах от села. В ближайшем овраге, при огарке свечи, Каппель с собранными им начальниками составлял диспозицию. По этой диспозиции белые части должны были свернуть с главного тракта, которым двигались, на проселочную дорогу, шедшую ближе к Волге, и пройдя три версты от села, там на перекрестке дороги повернуть влево и, обойдя село с юго-запада, с рассветом атаковать его.

С рассветом все были на указанных местах.

Командир батареи подполковник Вырыпаев в ожидании приказа об открытии огня, присев, распечатал банку с мясными консервами. Но только что он принялся за ее содержимое, как к нему подошел Каппель. При виде консервной банки глаза командующего заблестели. «Какой вы счастливый», вырвалось у него. Командир батареи, конечно, предложил ему разделить завтрак и при помощи лучинок они очистили консервную банку. Оказалось, что Каппель, погруженный в разработку непрерывных очередных операций, второй день ничего не ел.

По данным разведки, орудия красных стояли частью на окраине села против отряда Каппеля, частью на берегу Волги, скрытые возвышенностью. На окраине села стояли и пулеметы. Пехота Каппеля, скрытая местностью, двинулась в обход, во фланг пушкам противника, белая батарея открыла огонь по селу и по подступам к нему. В результате вся артиллерия красных, все пулеметы и пять пароходов, стоявших на Волге, были захвачены Каппелем. Противник, для которого наше наступление было неожиданным, бросив все, бежал берегом Волги

на север, успев увести только один пароход. Батарея красных, стоявшая на берегу, не успела сделать ни одного выстрела. На захваченных пароходах было взято много военного имущества. При соотношении сил обеих сторон, нужно считать, что эта победа Каппеля была особенно блестящей. Как и раньше, он использовал умело элемент неожиданности и быстроты.

На другое утро наши разведчики севернее Новодевичьего неожиданно захватили в плен командующего красным Сингелевским фронтом, бывшего поручика Мельникова; и если в отношении рядовых красноармейцев Каппель проявлял мягкость и, как правило, обезоружив их, отпускал, то здесь показал себя неумолимым мстителем изменникам типа Мельникова. Был немедленно собран военно-полевой суд и Мельников был приговорен к расстрелу. Каппель приговор подписал и он был приведен в исполнение.

В этот же день пришел приказ из Самары снова двинуться на Сызрань, где местные формирования не могли справиться с наступающими красными.

Снова на «Мефодий» Каппель двинулся туда и энергичным ударом принудил красных к отступлению.

После дневки в Сызрани, усадив свою пехоту на подводы, Каппель двинулся главным трактом на Симбирск, до которого было около 140 верст.

Слухи о действиях Каппеля встревожили главное красное командование.

На это были у него веские основания. Все красные части, высланные в сторону Ставрополя, Сингелея и Новодевичьего, были разбиты, Сызрань взять не удалось — везде, где появлялись отряды Каппеля, им сопутствовала победа.

Ожидая появления Каппеля на пароходах, красные сильно укрепили берега Волги под Симбирском. На них были установлены орудия и пулеметы, ночью прожектора шарили по реке, высланные вниз по Волге наблюдатели и разведка зорко следили за рекой. Казалось, что взять город было невозможно. Но вышло совсем не так, как предполагал противник. На свежих перекидных подводах Каппель вел отряды по тракту.

Вздывают пыль по тракту копыта каппелевской

конницы, еще выше и дальше по сторонам гонят ее колеса подвод пехоты, маячат далеко впереди разъезды, подымается в рассвете солнце проходит свой путь, опускается в золоте заката на западе, звездные узоры раскрашивают небо — без остановок ведет Каппель своих добровольцев. Четыре раза сменяет ночь день, четверо суток пылит Симбирский тракт. Разметает, разносит Каппель из лежащих на его пути сел красные части, таранит путь на Симбирск. Отмахивается от донесений, что где-то, может быть, недалеко от тракта стоит противник. Знает, что после занятия им Симбирска эти красные части сами уйдут или просто разбегутся. До предела используя человеческие силы добровольцев, Каппель мчит их за собой. Похудевший, на черном от пыли лице страшно горят волей и целеустремленностью серо-синие, забывшие о сне глаза, но рука крепко держит поводья, кабур нагана расстегнут. Что это? Вольница гражданской войны? Сумасшедший кавалерист, очертя голову, вспомнивший Сеславина и Давыдова? Начальник, в пылу увлечения забывший основные законы тактики? Но с того самого часа, когда он встал в Самаре во главе добровольцев, неустанно и лихорадочно работает мысль, и он знает, что неожиданный победоносный удар по главным центрам деморализует вокруг них на сотни верст кругом силы противника; он знает, что это война гражданская, где особая психика у бойцов обеих сторон: где путь к победе рассчитывается не в кабинетах генеральных штабов, а обеспечивается особыми факторами, может быть, на походе; а главное, он знает, что он ведет своих, часто мальчиков, добровольцев на борьбу за Россию и что он зажег их, заразил их этой своей идеей.

Висит серым облаком пыль над добровольцами Каппеля и замороженные, зачарованные им, они не думают сколько друзей не досчитаются они, может быть, завтра, может быть, этой ночью; они знают одно — он сказал, что нужно взять Симбирск — значит он будет взят, а зачем это нужно — знает Каппель.

И отъехав на обочину дороги, он пропускает их мимо себя и мучительно думает, как больше сохранить их при штурме города, который нужно взять во что

бы то ни стало. И снова, дав шпоры коню, он выно- сится вперед отряда. Скорей, как можно скорей — только быстрота и неожиданность обеспечат легкую победу и сохранит эти молодые жизни. Чуть трогает горькая улыбка губы — а ведь ему самому недавно 36 лет минуло.

На момент вспыхивают в памяти лица жены и детей. Чуть тряхнул головой, отгоняя личное свое... Свои идут сейчас за ним. Свое все кругом — и этот тракт и окре- стные деревни, да и те, кто, может быть, из-за ближай- шего пригорка осыпят его сейчас пулеметным дождем — разве они не были бы с ним, если бы их не отравили ядом зла и лжи их московские вожди? Недаром он отпу- скает, обезоружив пленных красноармейцев, темных, отравленных, больных людей. Вспоминается расстрелян- ный Мельников. Лицо Каппеля жестоко каменеет — та- ким пощады нет. А пока вперед, скорей, как можно скорей!

С угрозой смотрели на Волгу жерла красных симбир- ских орудий, неприступный берег ожидал пароходов Каппеля. Красное командование заранее потирало от ра- досты руки — наконец-то эта горсточка сумасшедших людей, возглавляемых таким же сумасшедшим начальни- ком, будет уничтожена. Все предусмотрено, каждый квад- рад реки под обстрелом, и здесь должен погибнуть со всеми своими отрядами белобандит, отъявленный контр- революционер, царский офицер Каппель. Рисовались красным командирам увлекательные картины, как под градом снарядов загораются, рвутся, тонут в волжских омутах пароходы белых, дерзко вступивших в борьбу с рабоче-крестьянской властью.

И вдруг утром 21-го июня с юга и запада, откуда никто ничего не ожидал, на город с фланга и тыла обрушились артиллерийские залпы, вспыхнуло громкое непрерывное «ура» и, вихрем гоня расстерявшегося, ничего не понимающего противника, в Симбирск ворва- лись белые цепи. Беспомощно молчали направленные на Волгу пушки и, как всегда, впереди белых отрядов вид- нелся верхом на коне их командир, вокруг имени ко- торого уже начали сплетаться легенды. Бросив все во- енное имущество, орудия, пулеметы, не успев расстре-

лять арестованных в городе офицеров, противник уходил на север.

Полковник Вырыпаев, участник всей этой эпопеи, пишет: «В этот день Каппель в первый раз появился перед населением. В переполненном до отказа городском театре, при гробовой тишине, вышел на сцену скромный, немного выше среднего роста военный, одетый в защитного цвета гимнастерку и уланские рейтузы, в офицерских кавалерийских сапогах, с револьвером и шашкой на поясе, без погон и лишь с белой повязкой на левом рукаве. Он, как будто, устало обратился с приветствием к собранию. Его речь была удивительно проста, но дышала искренностью и воодушевлением. В ней чувствовались порыв и воля. Во время его речи многие плакали. Плакали и спасенные им офицеры, только что освобожденные из большевистских застенков. Да и немудрено — ведь он звал на борьбу за поруганную родину, за народ, за свободу. Каппель говорил и не было сомнения, что он глубоко любит народ, верит в него, и что он первый готов отдать жизнь за свою родину, за великое дело, которое он делал. Действие его слов было колоссально и когда он кончил речь, она была покрыта не овациями, а каким-то сплошным ревом и громом, от которых дрожало здание.

С этого дня отряд Каппеля стал быстро пополняться добровольцами. Все, кто верил в дело освобождения России и любил ее, брали винтовки и становились в строй. Рядом стояли и офицер, и рабочий, и инженер, и техник, и мужик, и купец. Крепко держали они в руках национальный флаг и их вождь объединял всех их своей верой в святую идею освобождения родной страны. Проводя Симбирскую операцию, Каппель опять использовал свои излюбленные элементы — элементы быстроты и неожиданности. Его молниеносное движение по тракту не дало возможности ни одному красноармейцу из расположенных по пути сел опередить его и предупредить симбирский гарнизон. Победа была так ослепляюще-велика, что на фронт явился сам Троцкий, объявивший революцию в опасности. Одновременно, отдельным приказом, большевистский штаб назначил денежную премию за голову Каппеля — пятьдесят тысяч рублей. Читая этот при-

каз, Каппель рассмеялся: «Я очень недоволен — большевики очень дешево нас оценили», и уже угрожающе добавил: «Ну да скоро им придется увеличить эту цену».

Как уже говорилось, Самарское правительство состояло из эс-эров, со всеми присущими им недостатками и пороками. Не доверяя Каппелю, не скрывавшему своих личных монархических убеждений, правительство Самары прикомандировало к его штабу своего представителя Фортунатова, который, к счастью, оказался порядочным и смелым человеком, не мешавшим Каппелю, и даже не раз участвовавшим в боевых операциях. Позднее к отрядам Каппеля присоединился только что бежавший от большевиков Борис Савинков. И когда по приказу Каппеля рядовых пленных красноармейцев, обезоружив, отпустили, эти два правоверных социалиста, поборники добра, свободы, справедливости и прочих красивых слов, протестовали, против этого. Полковник Вырыпаев рассказывает, что когда он таким образом отпустил 16-летнего мальчишку красноармейца, то Савинков недовольно ему сказал: «Эх, Василий Осипович, добрый вы человек что вы с ними цацкаетесь? Расстрелять бы эту сволочь и дело с концом» Так строители и создатели земного рая, царства справедливости и свободы, осуждали за проявляемую ими человечность русских офицеров, против «жестокости» и «дикого самодурства», которых они боролись всю свою жизнь.

А как рассматривал все это сам Каппель, рассказывает тот же полковник Вырыпаев. «В то время каждый командир и сам Каппель были в то же время рядовыми бойцами. На Волге не раз Каппелю приходилось залезать в цепь вместе со своими добровольцами и вести стрельбу по красным. Может быть, поэтому он так тонко знал настроения и нужды своих солдат. Иногда, где-нибудь на привале или дневке, он охотно делился своими впечатлениями о текущем моменте, мыслями о гражданской войне и взглядами на будущее. Вкратце это сводилось к следующему: мы военные оказались застигнутыми революцией совершенно врасплох. О ней мы почти ничего не знали и сейчас нам приходится учиться тяжелыми уроками. Гражданская война это не то, что война с внешним врагом. Там все гораздо проще. В

гражданской войне не все приемы и методы, о которых говорят военные учебники, хороши. Эту войну нужно вести особенно осторожно, ибо один ошибочный шаг, если не пгубит, то сильно повредит делу. Особенно острожно нужно относиться к населению, ибо все население России, активно или пассивно, но участвует в войне. В гражданской войне победит тот, на чьей стороне будет симпатии народа. Не нужно ни на одну минуту забывать, что революция совершилась — это факт. Народ ждет от нее многого. И народу нужно что-то, какую-то часть дать, чтобы уцелеть самим.

«Указывая на добровольцев из крестьян, ведущих коней на водопой, Каппель говорил: «Победить легче тому, кто поймет как революция отразилась на их психологии. И раз это будет понято, то будет и победа. Мы видим, как население идет сейчас нам навстречу, оно верит нам и потому мы побеждаем... И кроме того, раз мы честно любим родину, нам нужно забыть, кто из нас и кем были до революции. Конечно, лично я хотел бы, как и многие из нас, чтобы образом правления у нас была монархия; но в данный момент о монархии думать преждевременно. Мы сейчас видим, что наша родина испытывает страдания и наша задача облегчить эти страдания».

После Симбирской победы приблизился кульминационный момент проявления военных дарований и славы Каппеля. Самарское правительство не знало какую линию поведения провести в отношении Каппеля. С одной стороны, он укреплял своими победами их положение и увеличивал территорию, с другой стороны, он был царским офицером, исповедующим иные взгляды, и, наконец, население знало его, ему верило, шло за ним, а имена самарских министров Черновых, Авксентьевых и пр. большинству населения была даже неизвестны. Мелкое самолюбие министров, державшихся на штыках армии Каппеля, страдало. Одновременно и партийная программа последователей Керенского не позволяла им верить и честно поддерживать Каппеля, вышедшего из

рядов «царских опричников», которых они, эти министры, в свое время травили с таким увлечением и энергией.

И после Симбирска прямой провод передал в штаб Каппеля приказ Самары, пропитанный полумерами времен Керенского. Министры видимо вспомнили время выступления ген. Корнилова и предательство Керенского. Но отстранить Каппеля, как это сделал в свое время Керенский с ген. Корниловым, они не могли — сила была в его руках и сила, которая наверное такого их приказа не послушала бы. Объявить же его изменником было настолько нелепо, что к этому варианту они даже и не думали прибегнуть. Поволжье знало Каппеля, его имя стало символом освобождения, и керенствующим министрам оставалось смириться. Но подрезать ему крылья, как-то уменьшить его популярность было необходимо. И приказ Самары гласит, что после Симбирска Народная Армия Каппеля может устроить только демонстрацию в сторону Казани не дальше, чем до Богородска. Военные соображения для самарских эс-эров были менее важны, чем сведение счетов с подозрительным Каппелем. Они отчетливо понимали, что взятие Казани подымет имя Каппеля на небывалую высоту и в ее блеске окончательно растают, исчезнут их имена.

От Симбирска до Казани по тракту около 200 верст. Казань укреплена, там большой гарнизон, туда еще подтягиваются красные части. Но оттуда к Каппелю пришла от тамошней противобольшевистской организации горячая просьба наступать на город; там хранит красное правительство золотой запас; наконец взятие Казани расчищает путь к дальнейшему наступлению, — кто знает, может быть, до Москвы.

Только все проводить скорей, не терять ни одного дня. Раскидывать, разбрасывать встречные части противника, рваться вперед, на плечах красных двигаться непрестанно вперед, не давать опомниться, укрепиться. Серо-голубые глаза впилась в карту, лихорадочно быстро работает мысль, твердо и четко прикидывает, взвешивает, вычисляет. Приказ? Но там в Самаре не понимают положения, не знают обстановки. А главное, всегда и во всем для него — Россия, а не отдельные лица. И откинувшись на спинку стула, закрыв глаза, решает он твер-

до и неуклонно — вперед на Казань! Победа будет — уверен в этом Каппель и эта победа будет для родины. И вызванные им на совещание представители Самары Фортунатов и Лебедев, увлеченные его словами и планами, становятся на его сторону, взяв на себя всю ответственность за неисполнение приказа Правительства.

Красное командование Казани было беспокойно. С одной стороны, нервировала весть о взятии Каппелем Симбирска, заставляя готовиться ко всяким неожиданностям; с другой стороны, имелись сведения о какой-то противосоветской организации, открыть которую никак не удалось. Наконец, в городе проживало около тридцати тысяч офицеров, которым тоже верить нельзя. В городе же находилась Академия Генерального штаба, недавно привезенная сюда из Екатеринбурга. Правда, академики старались уверить в своей лояльности, правда, начальник ее, генерал Андогский, внешне вел себя безукоризненно, но за этими лояльностью и безукоризненностью чувствовалось совсем иное. «Хитрая лиса», говорили про Андогского комиссары и на всякий случай разместили оба курса Академии в трехэтажном здании, отведя им второй и третий этажи и разместив в первом каких-то своих верных курсантов. К июлю в Казань прибыл испытанный боевой 5-ый латышский полк и комиссары стали чувствовать себя спокойнее. Красное командование знало, что Троцкий не щадит за неудачи, но в данном случае дело осложнялось еще и тем, что в городе хранился этот проклятый золотой запас, зачем-то сюда привезенный по приказу самого Ленина. Город укреплялся со всех сторон, охранение было вынесено далеко за его стены, казалось, были приняты все меры и Троцкому слались самые успокоительные донесения, но на душе казанских хозяев все же было беспокойно. Этот сумасшедший, не признающий никаких преград, царский кавалерийский офицер Каппель путал все карты. Для него не было больших расстояний, для него не существовало времени, его белые банды появлялись там, где их не ждали, его маневр никогда нельзя было предугадать, наконец, его такие же сумасшедшие, как и он, отряды не знали ни чувства страха, ни сознания невозможности при выполнении его приказов. И чуть слышным шопотом

шелестело среди академиков: «Слышали? Каппель». А генерал Андогский, наверное, после очередного доклада комиссарам о настроении вверенной ему Академии, старался вспомнить кто же этот Каппель, тоже когда-то окончивший эту Академию.

А где-то на конспиративных квартирах заговорщики горячо и страстно ждали человека, имя которого было овеяно постоянными победами. К этому легендарному белому вождю были посланы от организации свои люди и заговорщики, никогда не знавшие Каппеля, уже верили в его скорый приход.

Шестого июля с утра серые дождевые тучи тянулись с юга на город. С полудня начал накрапывать дождь, превратившийся к вечеру в жестокий ливень. Ветер гнал тучи на север и, казалось, им нету конца. Сквозь пелену ливня в десяти шагах не было ничего видно. Промокшее охранение, спрятавшись за стогами сена, под деревья, было спокойно — кто в такую непогоду будет наступать? Вздохнули облегченно и красные командиры.

И вдруг, когда вечером шестого июля 1918 года серые дождевые сумерки окутали город, когда по всем вычислениям белые должны были быть еще далеко и можно было спать спокойно, над Казанью с ревом и гулом, заглушая шум ливня, пронеслись первые снаряды Каппеля, загорелось ярое, беспощадное «ура» и, расшвыривая, разметая красные части, на их плечах в улицы города ворвались люди с белыми повязками на руках. Метались в страхе, смешанным с бешенством, красные комиссары и промокшие командиры, останавливая бегущих в панике своих бойцов, но улица за улицей, под аккомпанимент пулеметных очередей, переходили в руки Каппеля, а в окруженных со всех сторон казармах, — главная надежда красного командования, — 5-ый латышский полк поднял руки и сдал оружие. К утру все было кончено, и над городом вызывающе и гордо под прояснившимся небом реяли по ветру национальные русские флаги.

Бесконечными приветствиями, цветами засыпали каждого добровольца и от края и до края города неслось одно слово: «Каппель!». И рано утром, 7-го июля, генерал Андогский, явившись в Академию, начал свое обраце-

ние к офицерам курсантам словами: «Господа офицеры, забрало сброшено». А под распахнувшимся дождевиком на плечах генерала офицеры снова увидели погоны.

Но радость и торжество победы были для Каппеля сразу горько омрачены. Если казанские противосоветские организации сразу вошли в состав его отрядов, то большинство офицеров или остались инертными, или же, зная, что Каппель действует от Самарского эс-эровского правительства, но не зная его взглядов и стремлений, причислило его тоже к этой партии, и решило пробираться в Омск. Призыв Каппеля к Казанскому офицерству поэтому остался почти без ответа и победитель, имя которого стало символом освобождения для волжан, тяжело и горько переживал это непонимание. Такое настроение поддерживали еще генштабисты Академии на своем совещании решившие, что двигаться дальше нельзя, что нужно сперва основательно укрепить Казань, разработать детально дальнейший план действий и т. д., согласно законов ведения большой, но не гражданской войны. Разумеется это решение было для Каппеля необязательным, но для той массы офицерства, которая оставалась инертной, послужило поводом для уклонения от призыва Каппеля. Это непонимание толкало даже некоторых на преступление с военной точки зрения. Так полковник (впоследствии генерал) Нечаев самовольно вывел из Казани и направил к Омску большую кавалерийскую часть. Телеграмма Каппеля с приказанием немедленно вернуться догнала его, когда он уже грузил свою часть в вагоны. Исполняя приказ, Нечаев вернулся в Казань, но свою часть отправил в Омск. В Казани он доложил Каппелю, что готов нести ответственность за свой поступок, но, что его часть верит Омску больше, чем Самаре. Нечаев был оставлен при Волжской группе и впоследствии, разобравшись во всем, глубоко раскаивался, что лишил Каппеля своих кавалеристов. Все это не только отравляло радость победы, но и мешало проведению новых намеченных планов.

У Государственного банка, где хранился золотой запас, было немедленно по занятии города выставлено усиленное охранение. Каппель, учитывая неожиданности

гражданской войны, решил вывезти золото в Самару. К вечеру к банку были согнаны все трамваи и, в присутствии Каппеля, добровольцы стали грузить на них ящики с ценностями. Было погружено, по словам полк. Вырыпаева, 650 миллионов рублей в золотой валюте, 100 миллионов рублей кредитными билетами, запасы платины и другие ценности. С трамваев все это было перегружено на пароход «Фельдмаршал Суворов» и отправлено под охраной в Самару, а позднее перевезено в Омск, к Адмиралу Колчаку. Невольно напрашивается вопрос почему Каппель не отправил золотой запас прямо в Омск? Причин было две и обе вполне уважительные. Во-первых, путь до Омска был гораздо менее безопасен, чем до Самары и, узнав об этом через своих агентов, Троцкий наверное приложил бы все силы, чтобы вернуть ценности. Вторая была для Каппеля не менее уважительная — в Самаре сидели эс-эры, в Омске еще не было Верховного Правителя и было правительство Временное Сибирское, хотя и начавшее борьбу с Самарой, но состоящее из людей для Каппеля неизвестных и исповедующих тоже не его политические взгляды. Командующему, занятому чисто военными делами, просто не было возможности и времени разобраться в тонкостях разницы между Самарой и Омском. Впоследствии мы удивим и узнаем всю глубину преданности Каппеля Верховному Правителю, но тогда, в дни взятия Казани, он был только Командующим Народной Армией, занятым сверх сил планами прямой борьбы с большевиками.

После захвата Казани, Каппелю досталось военное имущество, которое было трудно учесть. Дорога вперед открывалась ему широко и открыто, но... об этих «но» уже говорилось. К ним прибавилось и другое.

В это самое время, 27-летний красный командир Тухачевский всеми имеющимися у него силами обрушился на недавно взятый Каппелем Симбирск. Местные симбирские формирования задыхались под жестокими ударами Тухачевского. Город был накануне падения. И прямой провод из Самары передает в штаб Каппеля беспрерывно одно — «Спасайте Симбирск!»

Полным ходом, задыхаясь, несут волжские пароходы

Каппеля с его армией к городу, под которым уже прославившийся красный командир шлет волну за волной своих войск на обреченный, казалось, город. Он отлично учитывает и понимает, что город нужно взять до прихода Каппеля, так как в противном случае задача будет значительно сложнее. Задыхается, бьется белый гарнизон симбирцев, знает, что Каппель изо всех сил спешит на помощь, знают также, что если удержатся до его прихода, то будет победа, ибо с ним идет только она одна. Поэтому и Тухачевский гонит без пощады своих красноармейцев на город.

Но уже прямо с пароходов ведет в бой свои части 36-летний Каппель на озверевшие от неудач части 28-летнего Тухачевского. Огромный военный талант Каппеля, одухотворенный страстной любовью к родине, пропитанный высоким сознанием чести, честности, жертвенности и долга, столкнулся с тоже огромным военным талантом Тухачевского, отравленным талантом честолюбия, эгоизма и беспринципности. Жестоко защищается бывший поручик Императорской Гвардии, продавший свою шпагу кремлевским хозяевам, падают под его огнем добровольцы Каппеля, но они заражены верой своего Вождя, его порывом, и оставшиеся идут вперед и вперед, и то там, то тут между их цепей мелькает фигура заколдованного от пуль Каппеля. И на третий день жестокого, упорного боя вынужден Тухачевский отойти и перенести свой штаб к Инзе, верст на 80 западнее Симбирска. Город был спасен и опять по волжским просторам прокатилось имя человека, знавшего только победы, имя Каппеля.

Но противника нужно добить и уже создан план дальнейшего наступления на Инзу, как вдруг прямой провод передает, что в Казани местные формирования не в силах удержать город, так как прибывший на фронт сам Троцкий повел наступление на Казань.

Беспощадными мерами вводил Троцкий порядок и дисциплину в потерявшие дух красные части. «Революция в опасности» повторялось непрерывно в его приказах, а если так, то все меры хороши. Уже больше 20 командиров красных частей расстреляно по его приказу; из центра России непрерывной волной тянутся

красные подкрепления и Троцкому удастся, за время отсутствия Каппеля под Симбирском, вклиниться между ним и Казанью.

Верстах в 50 от Казани к югу, в районе Нижнего Услона, Каппель высадил свои части с пароходов и двинулся к Казани, обходя ее с запада через город Свияжск, занятый большими красными силами.

Прибегая к своим обычным правилам, Каппель выделил конную группу с полк. Вырыпаевым и его батареями, которая должна была занять станцию Тюрельму и двигаться на Свияжск, который должны были атаковать на рассвете главные силы. Выступив вечером, полк. Вырыпаев занял Тюрельму, разгромил красный броневик и двинулся к Свияжску. Когда его батарея втягивалась уже в город, он заметил шедший ему навстречу автомобиль. Этот автомобиль внезапно резко остановился и два человека, выскочив из него, скрылись в каком-то дворе. Шедшие впереди белые разъезды успели захватить шофера. Оказалось, что убежавшими были сам Троцкий и его адъютант. Но главных белых сил в городе, почему то, не оказалось — он был занят красными, и полк. Вырыпаев был вынужден боковыми улицами выйти за город и только к вечеру присоединился к ним. Оказалось, что в ночной темноте они спутали направление. Каппель, после соединения всех частей, решил взять город на другую ночь. Но неожиданно, перед самым наступлением, из Нижнего Услона от защищавших его сербов пришло донесение, что они не в силах дольше сопротивляться красным и должны его оставить. Это оголило бы фланг Каппеля и, оставив Свияжск, он бросается на помощь сербам. Новые и новые красные волны бросает Троцкий на Нижний Услон.

Четыре дня, без перерыва, бьется Каппель и сербы против превосходящих сил противника, но все усилия Троцкого разбиваются о позиции Каппеля. Добровольцы несут потерю за потерями, но с каждым часом крепнет дух от сознания, что красная лавина бессильна залить их позиции, защищаемые Каппелем. Но к концу четвертого дня новый приказ Самары меняет обстановку: — «Оставить все, грузиться экстренно на пароходы и снова двигаться на помощь Симбирску». И снова несет Волга не

знающего отдыха, забывшего про сон и еду Каппеля к Симбирску. Задыхаются в небывалом напряжении машины пароходов, но для Каппеля это мало — он знает, что на Симбирск двинут сам главнокомандующий красными силами, бывший гвардейский полковник Муравьев и недобитый Тухачевский. Надрываются в дикой гонке пароходы Каппеля, вглядывается зорко он сам в волжские дали, но поздно — Симбирск уже в агонии. Орды Муравьева, Тухачевского и Гая волна за волной штурмуют город, где задыхаются под ударами противника местные слабые формирования. На половине пути от Казани, на ст. Тетюши, Каппель вынужден был высадить свои части, достигшие уже трех тысяч человек, на левый берег Волги и следовать дальше походным порядком. 12 сентября он подошел к Симбирскому мосту, через который уже тянулись отходившие части и бесчисленные беженцы. Чтобы помочь отступающим, Каппель приказал своей артиллерии обстрелять юго-западные подступы к городу, откуда велся главный нажим красных. Двенадцатого сентября конница Гая ворвалась в Симбирск и Каппель приказал взорвать один из пролетов моста. В этот день и сам Каппель и его добровольцы в последний раз видели Волгу.

Подведем теперь краткий итог всех операций Каппеля на Волге с 8-го июня по 12 сентября 1918 г. За это время Каппель сделал более 2500 верст, бросаясь то к Сызрани, то к Симбирску, то к Казани. За все это время, во всех бесчисленных боях и стычках, не было ни одного случая, когда бы победа не была на его стороне. Даже оставление им позиций под Нижним Услоном было проведено не под давлением противника, а для спасения Симбирска, куда Каппель просто не успел довести своих добровольцев до капитуляции. Какое значение в общем ходе Белой Борьбы на востоке Европейской России и в Сибири имели эти победы Каппеля? Лучше всего об этом говорит в своем капитальном труде «Сибирь, союзники и Колчак» профессор Гинс. Он пишет: «Историческая справедливость требует отметить, что отсрочка набора сибирской армии и возможность некоторой подготовки мобилизации явились результатом самоот-

верженной борьбы на берегах Волги так называемой Народной Армии. Интеллигентная по составу, сознательно враждебная коммунизму, но плохо подготовленная и плохо снабженная, она была вынуждена к осени отступить к Уралу, но все лето она давала возможность Сибири организовываться и готовить военную силу», (том 1-ый, стр. 132). Проф. Гинс, резко отделяя отряды Каппеля от эс-эртствующего и интригующего правительства Самары, признает за Каппелем роль военачальника, благодаря которому красные полчища не проникли в Сибирь. Иначе говоря, ведя на берегах Волги непосильную борьбу, Каппель спас Сибирь.

Теперь перед Каппелем встала еще более сложная задача. Волжская группа должна была по Волго—Бугульминской ж. д. отойти до Уфы, до которой было более 400 верст и где были уже сибирские части. Этот отход осложнялся с самого начала двумя обстоятельствами: с одной стороны, нужно было не дать противнику отрезать себя. Красные части, двигаясь параллельно линии ж. д., могли обогнать волжан и пересечь им путь, но с другой стороны от казанских формирований, покинувших свой город 10 сентября, все время шли донесения с просьбой дождаться их подхода через город Лаишев. Одно положение исключало другое. Спасая отходящих казанцев, Каппель дал под Мелекесом большой бой. Красные комиссары слали на позиции Каппеля волну за волной, напряжение обеих сторон достигло до предела, когда Каппель, личным примером увлекая своих добровольцев, бешеным рывком вперед отбросил, смял красные части, внес в их ряды дезорганизацию, вынудил их задержаться и выиграл необходимое ему время.

«Маленький Наполеон», как с иронией писали о Каппеле приволжские красные газеты, прибавил к своим победам еще одну. Казанцы присоединились к силам Каппеля, увеличив и численность и силу Волжской группы. В районе Бузулука Каппель получил из Омска производство в генералы. Но приехавшему поздравить его полк. Вырыпаеву он серьезно и искренне ответил: «Я был бы более рад, если бы мне вместо производства присла-

Схема Волжских походов Каппеля.

ли батальон пехоты». В этих словах особенно ярко обрисовался облик Каппеля, отдававшего всего себя делу борьбы с коммунизмом. В одном из писем полк. Вырыпаева на вопрос автора, какие награды имел генерал Каппель, имеется гордый ответ: «Мы в то время об орденах не думали». И на всех карточках на френче Каппеля видны только значки Академии и Николаевского кавалерийского училища и скромная георгиевская ленточка — ее не надеть было нельзя — остальные он не надевал никогда — он боролся не для орденов.

Прошел сентябрь, октябрь, вступила в свои права зима, и под ее дыханием леднели рельсы дороги. А вдоль нее, упорно пробиваясь на восток, вел Каппель свою Волжскую группу. Вокруг было красное море. Распропагандированное население встречных станций и сел волком смотрело на полузамерзших добровольцев. Каждая деревня могла встретить пулеметным огнем, справа и слева были враги, сзади наседали красные части. Почти каждый день, если не бой, то жестокая стычка, но непреклонно таранит путь Каппель, ведет за собой верящих в него людей. Участник этого похода полк. Вырыпаев пишет: — «На этом пути Каппель дал ряд боев, кровопролитных и изумительных, разбивая наседающих красных. Эта его боевая работа до сих пор не понята, не исследована и исторически не оценена».

Ледяным туманом окутаны белые бойцы, почти нет теплого обмундирования, до ста человек в день насчитывают обмороженными. Голодные, потерявшие счет дням и бессонным ночам, под почти непрерывную музыку боя, они идут за Каппелем. Русские и татары, безграмотный крестьянин и приват доцент Казанского университета, мальчик гимназист и старый бородатый старообрядец, они идут за человеком, который всегда впереди, за которым не идти нельзя. Черные пятна на обмороженных щеках Каппеля, в черных кругах запавшие глаза, все тело сковано стопудовой усталостью. Но напряжена до предела воля, беспощадным кнутом подхлестывает она мозг, не давая ему ни на минуту забыться, непрерывно шепчет в уши о тех, кто идут за ним, кого он должен спасти, беспощадно гонит на новую и новую нескончаемую борьбу.

Куда-то исчезло, растаяло эс-эртствующее правительство Самары. В Омске, где бьется в поисках людей Адмирал Колчак, про Каппеля плетутся искусные, полные лжи, а, может быть, простой зависти слухи. Эти слухи ежедневно, осторожно и тоже искусно, докладываются Верховному Правителю и несчастный, принявший крест власти Адмирал уже теряется в догадках, кто же этот Каппель?

В ноябре морозы усилились, но на все просьбы спасти добровольцев Омск ответа не давал.

Чтобы как-то сдвинуть этот вопрос с мертвой точки, Каппель командировал в Омск полк. Вырыпаева. Добившись в Омске приема у главного интенданта, Вырыпаев услышал, что хотя теплые вещи и есть, но выдать их ему нельзя, так как Волжская группа, вообще, на учете не числится. Впрочем интендант обещал выяснить этот вопрос у Верховного Правителя, для чего потребуется две три недели. «Тыловые интриги делали свое каиново дело» — так заканчивает полк. Вырыпаев эту страницу своих воспоминаний.

На льду реки Ин встретил Каппель вернувшегося Вырыпаева. Один пролет железнодорожного моста был здесь взорван и лежал на льду реки. Эшелоны Волжской группы стояли под угрозой захвата врагом. Чины штаба Каппеля и его инженеры доложили ему, что на починку моста нужно не меньше двух недель. Это было равносильно гибели, так как Каппель располагал одним-двумя днями. Но кроме ученых инженеров у Каппеля были его добровольцы, для которых его слово было законом. И заведывающий починкой моста, прапорщик Неретник, в дырявом полушубке, грязный и обмороженный смущенно доложил генералу, что поезда едва ли могут пойти раньше двенадцати часов следующего дня. Каппель протянул ему руку: «Идите, работайте. Спасибо вам», и лицо прапорщика просияло — руку ему пожал сам Каппель, а если так, то поезда завтра пойдут. Муравьями суетились на льду Ина добровольцы, а на обоих берегах реки стояли два паровоза, к которым были прикреплены какие-то блоки и тросы. Другие концы тросов были прикреплены к упавшему пролету. По свисткам и знакам прапорщика, паровозы со ско-

ростью часовой стрелки ползли в разные стороны, подымая пролет, а под него тотчас же добровольцы подкладывали клетки из шпал. На другой день поезда прошли через Ин. Приказ Каппеля был выполнен.

Части Каппеля отходили, как уже говорилось, по Волго—Бугульминской жел. дороге, а южнее из под Самары по Самаро—Златоустовской дороге отходили чехи и оставшиеся в Самаре части Народной Армии. Недалеко от Уфы, на станции Чишма, обе дороги соединялись. Когда обе части армии находились уже недалеко от Чишмы, разведка доложила генералу Каппелю, что в Сергиевском посаде, находившемся в вилке обеих дорог, накапливаются большие силы красных. Каппель разгадал их маневр: ударив из Сергиевского Посада на Чишму, противник отрезал бы обе Белые группы от Уфы. Нужно было действовать быстро и решительно. И снова, как на Волге, Каппель использует элемент быстроты и неожиданности. Оставив на линии жел. дороги только один броневик, он всеми своими силами обрушился на Сергиевский Посад, и, как обычно, не ожидавший его противник бежал, отдав в его руки всю свою артиллерию. И снова в красной военной газете того времени, «Красной звезде», появились статьи о «маленьком Наполеоне», но уже не в ироническом тоне, а с истерическими выкриками «уничтожить, раздавить гидру контр-революции, наймита Антанты, царского опричника Каппеля».

Эта операция, типичная для Каппеля, лишней раз показала его неизменное искусство ведения гражданской войны. Его методы часто противоречили общепринятым законам тактики и стратегии, ибо Каппель понимал, что гражданская война — это война особая, и применять при ее ведении опыт прошедшей Германской войны было бы ошибкой и нелепостью.

Наконец, придя в Уфу, Волжская группа была заменена Уральскими частями. Казалось, можно было бы и отдохнуть немного. Но, и выйдя из сферы боевой обстановки, частям Волжской группы пришлось довольно долго двигаться походным порядком через горно-промышленные районы Урала. Горные рабочие Южного Урала, не в пример северным Ижевцам и Воткинцам,

были в достаточной степени распропагандированы и относились к Волжанам враждебно. На заводе Аша-Балашовском штаб Каппеля остановился, пропуская части группы. Разведка донесла Каппелю, что накануне на шахте № 2 был митинг, на котором было постановлено чинить Белым частям всяческие препятствия, а определенной группой рабочих было поручено провести покушение на самого Каппеля. Митинги продолжались весь день. Положение становилось тяжелым и сложным.

В штабе, в углу комнаты, на стуле молча сидел Каппель, крепко сжав пальцы рук и полузакрыв глаза. Все знали, что когда генерал сидит в такой позе, лучше его не беспокоить. Когда же в таком случае прерывали его мысли, он молча подымал веки и потемневшими глазами впивался в неосторожного. Для знающих, а знали это все, это было страшнее всего. В минуты страшного напряжения боя, когда жизнь каждого и его самого зависла от пролетающего с визгом куска свинца, выпущенного из вражеской винтовки, в решающие минуты борьбы под Симбирском с Тухачевским, в ураганном порыве под Сергиевским Посадом, в минуты, когда нужно было бросить людей к победе, тогда его глаза становились такими же страшными. Был еще один случай, когда к нему привели взятого в плен командующего красным Сингелевским фронтом Мельникова. Почерневший от солнца, в выцветшей гимнастерке, запыленных сапогах, Каппель сидел на каком-то пне, когда к нему подвели пленного. Щегольски одетый, на лаковых сапогах звякают шпоры, на воротнике какие-то красные знаки отличия. Очень медленно Каппель поднялся на ноги, на побледневшем лице загорелись совсем черные, полные презрения и беспощадности, глаза. Шаг, другой — он приблизился к Мельникову почти лицом к лицу, не отрывая от него глаз. Каменное, безжалостное выражение, страшный взгляд сказали Мельникову все. Быстро отвернувшись, бросил чуть охрипшим голосом: «Военно-полевой суд. Немедленно... Изменнику». И спокойной рукой подписал через полчаса смертный приговор.

Зная это, его сейчас в Аша-Балашовском не беспокоили. А мысли его текли, сменяя одна другую, то за-

гораясь злобой и гневом, то звеня тоской и жалостью. «Расстрелять, разметать — дать хоть раз свободу сердцу. Уничтожить, растоптать, внушить ужас, заставить быть рабами, раз не хотят свободы... А потом?», загорается новая мысль — «А потом еще больше злобы, уже оправдываемой, и тогда последовательные и логичные расстрелы. Говорят у атаманов в Сибири так».

Смягчающие, тихие ноты начинают звучать в уставшем мозгу: «А если иначе? Если попробовать образумить, рассказать, объяснить?» Но новая мысль обжигает огнем: «Но ведь постановили убить. Значит умереть так, не в бою, изуродуют труп». В памяти выплывает генерал Духонин. «Также папиросу в рот затолкают». В мозгу выплывает новое: «А все эти, что со мной? Без меня погибнут»... И вдруг последнее воскрешает непреклонную волю, бешеную энергию, веру в себя. Он чувствует, как душа наливается этой верой в себя, в Каппеля. Он уже знает, что победит бунтующих шахтеров, но не винтовочными залпами не страхом, а тем влиянием, которому беспрекословно подчинялись сотни и тысячи. Победит он сам и один. Он знает, что делать.

Каппель быстро встает. «Готовьте ужин — я скоро вернусь, хочу пройтись», и к вестовому — «Шведскую куртку». Глаз на момент останавливается на лежащем на столе нагане. «Не надо... Не он поможет». В шведской кожаной куртке, проходя через сени, кивнул одному добровольцу — «За мной». Во дворе дневальный татарин тянул свою тоскливую песню. Увидев Каппеля, вытянулся, стараясь придать себе воинский вид. «Поешь, князь?» бросил Каппель. «Пою, бачка генерал», громко прокричал татарин. Каппель с добровольцем вышли на улицу. «Веди ко второй шахте». Доброволец замер — «Ваше... Ваше Превосходительство... Там... Там вас убьют... Не поведу!». Каппель повернулся к нему — «Я что сказал?» Доброволец съезжился и покорно зашагал впереди генерала. Подходя к шахте, Каппель, тоном приказа, сказал: «В шахте быть до конца». Мелькнула мысль — «До конца? Какого?», но сразу же растаяла в гордой уверенности — «Конец будет мой».

В шатхе № 2 было довольно темно и никто не обратил внимания на вошедшего человека, одетого в швед-

скую куртку. Один за другим выступали ораторы, призывавшие к мести, уничтожению, борьбе. Обычные митинговые фразы, полные звонких слов, лжи и злобы покрывались аплодисментами и криками: «Верно... Правильно».

Атмосфера накалялась все больше и больше. «Товарищи», крикнул председатель, обращаясь к двум или трем красноармейцам, стоявшим около трибуны: «Вы были захвачены белогвардейцами, но удачно спаслись. Расскажите товарищам, что вы видели у Каппеля, о его зверствах, расстрелах и порках». Красноармейцы смущенно переглянулись. «Не стесняйтесь, товарищи», продолжал председатель: «говорите прямо об всем, что у них делается, как вы спаслись из кровавых рук царского генерала». Один из красноармейцев выдвинулся вперед — «Да как спаслись? Взяли у нас винтовки, а нас отпустили. Каппель, говорят, никого из нас не расстреливает, а отпускает, кто куда хочет». Смущенное молчание повисло в шахте. «Это, товарищи, только ловкий трюк», нашелся председатель: «Мозги нам запудривает. А вам, товарищи красноармейцы, даже довольно таки стыдно говорить так на митинге».

Какой-то молодой человек вскочил на трибуну и, покрывая своим голосом шум, стал читать популярные тогда стихи какого-то красного поэта:

«Мы смелы и дерзки, мы юностью пьяны,
Мы мезтью, мы верой горим.
Мы Волги сыны, мы ее партизаны,
Мы новую эру творим.
Пощады от вас мы не просим, тираны —
Ведь сами мы вас не щадим».

Вихрь голосов покрыл последние слова. «Не щадим... Нет пощады... Смерть белобандитам! Смерть Каппелю!», перекатывалось под сводами шахты.

Человек в шведской кожаной куртке подошел к трибуне и попросил слова.

«Товарищи», стараясь утихомирить собрание, надрывался председатель — «Слово принадлежит очередному оратору».

Человек быстро и легко вспрыгнул на трибуну. У красноармейцев вдруг побледнели и вытянулись лица. Человек спокойно стоял на трибуне и ждал тишины. Наконец она настала. Тогда громким и уверенным голосом он начал свою речь:

«Я, генерал Каппель, я один и без всякой охраны и оружия. Вы решили убить меня. Я вас слушал, теперь выслушайте меня вы». И столько внутренней силы почувствовалось в этих словах, в самом тоне голоса Каппеля, что большинство присутствующих застыло, а некоторые из наиболее рьяных ораторов стали незаметно пробираться к дверям.

«Останьтесь все!» — резко и повелительно бросил Каппель. «Ведь я здесь один, а одного бояться нечего!».

Красноармейцы влюбленными глазами впились в генерала.

Мертвая тишина повисла в шахте.

Просто и ясно стал говорить Каппель. Он рассказал, что несет со собой большевизм, обрисовал ярко и правдиво ту пропасть, в которую катится Россия, он сказал, за что он борется.

«Я хочу чтобы Россия процветала наравне с другими передовыми странами. Я хочу, чтобы все фабрики и заводы работали и рабочие имели вполне приличное существование», закончил он.

И если он своей волей покорял добровольцев, чаровал их всем своим духовным обликом, ведя на небывалые подвиги, то здесь, в темной шахте, среди толпы ненавидевших его людей, требовавших его крови, озверевших и буйных, он к концу своей речи стоял на трибуне, как человек, имеющий право повелевать всеми этими людьми, которые стали покорны ему. Силой своего обаяния, своей искренностью, своей верой в правоту идеи, за которую он боролся, своей любовью к России он не только покорил, но и переделал этих людей. И как когда-то в симбирском театре дрожали стены от приветствий после его речи, так и теперь в шахте № 2 Аша-Балашовского завода люди, требовавшие его смерти, рукоплескали ему, кричали «ура» и, бросившись к трибуне, подхватили его на руки и с теми же криками, на руках понесли к штабу.

А в штабе была тревога — Каппель исчез. Татарин дневальный на дворе смущенно разводил руками — «Генерал на улица гуляй» — больше он ничего сказать не мог. И когда издали донеслись крики и шум большой толпы,двигающейся к штабу, там еще больше встревожились. Но когда это гомонящее сборище людей приблизилось, то в темноте разглядели над ними знакомую фигуру, которую они несли.

В комнате при огарке свечи Каппель устало опустился на стул — напряжение было велико и для него. Серо голубые глаза чуть мерцали. Но через минуту он снова усилием воли собрал, подтянул себя. «Бедные русские люди», тихо проговорил он — «Обманутые, темные, такие часто жестокие, но русские».

На утро делегация шахтеров явилась в штаб и передала, что они не только не будут чинить препятствий, но всем, чем могут, будут помогать.

С продвижением Каппеля на восток, в Омске все больше в некоторых военных кругах плелись против него интриги. Ставка Адмирала была настроена против Каппеля. Все, более или менее связанные с ней, поддерживали ее. Это отчасти можно объяснить и понять. Самарский комуч состоял исключительно из эс-эров, причем вначале это были эс-эры левого толка, мало отличавшиеся от большевиков. Позднее, правда, их заменил Авксентьев — правый эс-эр, но для русского офицерства все они принадлежали к партии Керенского, который за свое короткое, но роковое правление страной, бросил Россию в пучину великих бедствий, а русского офицера обрек на невиданные страдания. Керенский предал и погубил генерала Корнилова, и этого одного было достаточно. Поэтому и Каппель, как уже говорилось, вызывал к себе, если не недоверие, то настороженность. Правда, золотой запас, хранившийся в Омске, был захвачен у большевиков Каппелем, правда, Омское правительство произвело его в генералы, правда, в ставке имелись самые точные сведения о его работе и победах на Волге, правда, с ним шло несколько тысяч его добровольцев, но за его спиной черной тенью стоял Самарский комуч. Это или пугало или заставляло задумываться. Эти соображения, до известной степени, могли быть

оправданы. Но было и худшее, о чем скрывать не приходится. Как у генерала Деникина, так и в Омске и в сибирском тылу было немало таких, которые, укрываясь от фронта, пристраивались на удобные, спокойные должности. Для людей такого сорта появление Каппеля в Омске было весьма нежелательно, ибо если он войдет в доверие у Верховного Правителя и получит какой-нибудь большой пост, то этим героям тыла придется расстаться со своими, часто фантастическими, должностями. Эти люди не стеснялись в распространении о Каппеле самых темных слухов. Трудно предполагать, но не исключена известного рода простая зависть в отношении человека, показавшего свою огромную талантливость военного. Адмирал Колчак, слушая доклады своих помощников по военной части о Каппеле, тоже стал проявлять в отношении его некоторые колебания. Но, знакомясь с его боевой работой на Волге, не мог не отдавать ему должного.

А Каппель все приближался. Почти не имея эшелонов, полузамерзшие добровольцы делили со своим Вождем все тяготы этого пути, и только около Симского завода части были погружены в вагоны и направлены в район Кургана для отдыха и переформирования. Генерал Каппель был вызван в Омск к Верховному Правителю. Утром того дня, когда был назначен прием Каппелю, Верховный Правитель был настроен особенно нервно. Причин было слишком много и он был уже на пороге того состояния, когда в бешенстве ломал телефонные аппараты и резал ножом подлокотники кресла. В это время ему доложили о прибытии Каппеля. Адмирал на минуту задумался. Предстояло принять человека, о котором говорили или очень плохо, или рассказывали легенды. Приняв строгий официальный вид, Колчак коротко сказал — «Просите». Дверь отворилась и с таким же строгим видом, опустив глаза, он встал. Чуть звякнули шпоры и спокойный, звучный голос произнес: «Ваше Высокопревосходительство, генерал Каппель по Вашему повелению прибыл». Адмирал поднял глаза и его горячий, страшный взгляд скрестился с лучащимся спокойным взглядом синих глаз Каппеля. Несколько секунд продолжалось это и, до болезненности

чуткий ко всему чистому и правдивому, Адмирал облегченно вздохнул. «Лгали, все лгали», мелькнуло в голове, и, быстро выйдя из за стола, он протянул обе руки — «Владимир Оскарович, наконец вы здесь — я рад, я очень рад». Адмирал по своей натуре не мог двоедушничать, — и столько искренности послышалось в его голосе, что Каппель, предупрежденный о предубеждении Верховного Правителя, всей душой почувствовал, что это предубеждение рассеялось навсегда. «Ваше Высокопревосходительство», начал он, но Колчак поднял руку — «Меня зовут Александр Васильевич».

В приемной Адмирала ждали, волновались те, кто нашептывал ему о Каппеле злые небылицы. Прошло полчаса, час, полтора часа. Двери в кабинет Адмирала оставались закрытыми. А за ними возбужденный и взволнованный Каппель рассказывал Адмиралу о всем, что было. И слушая его, Адмирал, уловив, что называя части бывшие в делах на Волге и позднее и их командиров, Каппель ни разу не упомянул о себе, прервал его рассказ: «Но вы-то, вы сами, Владимир Оскарович?». Каппель смутился — «Я? Я ничего», смущенно ответил он. Адмирал опустил голову и задумался — Каппель совсем не походил на окружающих Колчака людей. «Сколько вам лет?», спросил он. «Тридцать семь, то есть тридцать седьмой». «Тридцать седьмой», задумчиво повторил Колчак. «Ну, а как вы смотрите на то, что происходит? Как, вы думаете, нужно бороться со всем этим?» И Каппель, почувствовав в себе прилив той энергии, что двигала его, вспомнив свои мысли о гражданской войне, которые он выносил и испытал на практике, начал говорить. Забыв на этот раз свою скромность, он начал со случая на Аша-Балашовском заводе, приведя его как доказательство правильности своих взглядов. Он вспомнил те случаи, когда отпускал пленных красноармейцев и расстрелял Мельникова; он говорил о болезни России и о том, что к этой России нужно относиться, как к больной. Он говорил, забыв обо всем, открывая всю душу человеку, который был Правителем и которому он, Каппель, будет верно до конца служить. Когда он кончил, Адмирал сидел за столом, опустив голову на руки. В кабинете легла тишина. Наконец, Адмирал встал

— «Владимир Оскарович, спасибо Вам. Мне бывает часто очень тяжело. Спасибо вам». И потемневшим от волнения взглядом Каппель, тоже встав, впился в лицо Адмирала — «Ваше Высокопревосходительство, перед нами Россия — остальное неважно».

Ожидавшие в приемной Правителя вскочили со своих мест. Под руку с Каппелем вышел Колчак.

«Владимир Оскарович, еще раз спасибо вам за все — напишите, что вам будет нужно для вашего корпуса — все будет исполнено». Каппель вышел.

Адмирал окинул взглядом присутствующих — «А ведь он ни на кого не жаловался», мелькнуло в голове и в презрительной улыбке дрогнули губы. В этот день, на приеме своих военных помощников, он был особенно строг и придирчив. Но о Каппеле ни один из докладчиков говорить уже не посмел.

ЧАСТЬ 2

После того, как присутствовавшие в приемной Адмирала Колчака услышали, что Каппель назначается командиром корпуса, отношение к нему со стороны многих, распускавших про него разные небылицы, резко изменилось в лучшую сторону, что было вызвано, конечно, не искренностью. Во всяком случае, внешне создалась другая картина. Но Ставка Адмирала, возглавляемая генералом Лебедевым, хоть и в более скрытой и осторожной форме, но отношения к Каппелю не изменила.

Несколько дней Каппель жил в Омске, весь поглощенный работой, порученной ему Адмиралом. Развернуть свою Волжскую группу в корпус, дать своим соратникам заслуженный отдых, с новыми большими пополнениями ударить на врага, вести корпус от победы к победе, научить своих будущих новых подчиненных не только воевать и побеждать, но, главное, воспитать, привить им веру в правду своего дела, зажечь в них большую любовь к России — все это, разработка этих проектов и планов не оставляли для Каппеля ни одной свободной минуты для себя. Он с утра до вечера ездил по разным учреждениям, просил и требовал все необходимое для своего

корпуса, подавал составленные планы, горел в этой работе, но уже здесь почувствовал, что часто за вежливыми обещаниями скрывается другое. Поздно вечером в своем вагоне он мрачно вспоминал прошедший день. Фактически он почти ничего за этот день не добился. Оставался один путь — обратиться к Адмиралу, но он сразу отбрасывал эту мысль — жаловаться и интриговать было не в его натуре.

В купэ было полутемно, горела одна настольная лампа, мысли, переплетаясь, текли в голове, рождались новые планы, карандаш без устали наносил на бумаги заметки — в двери осторожно постучали — «Ваше Превосходительство, вы еще не ужинали». И в ответ доносились резкие раздраженные слова — «Оставьте. Потом». Наконец, когда было много обещано, но мало исполнено, Каппель вспомнил о себе. В Екатеринбурге со стариками Строльманами жили дети. Только дети... А та, которую когда-то зимним вечером увез в деревенскую церковь? Заныло, заболело сердце. Стучит колесами вагон, несет его в Екатеринбург, а оттуда сразу же, не заезжая в Омск, мчит его в маленький провинциальный Курган.

Промерзшие колеса вагона со скрипом остановились. На небольшом здании вокзала вывеска «Курган». Глазам больно смотреть на сверкающий под солнцем снег. Снег белый, чистый, холодный — везде, он укутал весь город. В шубе, крытой солдатским сукном, подтянутый, шашка с георгиевским темляком, Каппель спускается со ступенек вагона. На платформе обычная суэта — бабы с узлами, местные купцы — богатеи, проходит вдоль поезда важный старший кондуктор. Навстречу спешат несколько близких и знакомых людей. Рука в перчатке вскинута к папахе — старший из встречающих полк. Вырыпаев подходит с рапортом. И через несколько минут пара резвых сибирских лошадей несет в санях по тихим улицам города. Гнутся под инеем ветви деревьев, свежий чистый воздух без малейшего ветерка, мороз не убивает, а пьянит, как вино, над трубами домов высокими серыми столбами стоит дым, скрипит снег под полозьями, по тротуарам мелькают изредка фигуры жителей, в небе над городом висят церковные купола. Кап-

пель чувствует, как в душе загорается огромная радость, он слышит, как ярким цветком расцветает энергия, прилив неумемной силы и воли. Синее яркое зимнее небо с пылающим диском солнца, синие и серебряные искры в снегу — впереди творчество, работа, подготовка к последней борьбе, наверное, жестокой, но, наверное же, дарующей победу, а дальше потом Россия, настоящая русская, освобожденная от темного зла. Просторы российские без конца и края, которые нужно отобрать дорогой ценой крови лучших людей, оглушить эти просторы смертоносной музыкой боя, но без перерыва двигаться вперед, пока вдали, в небе, не загорятся золотом купола Ивана Великого.

Кучер, татарин-доброволец, лихо остановил сани у двухэтажного деревянного дома, другой доброволец широко распахнул двери, — внизу помещения штаба, сверху личная квартира генерала, его детей и стариков Стрельманов.

Окна кабинета выходят в сад — он весь заколдован зимней красотой. Каппель сбрасывает шубу, закрывает дверь и, все еще полный радужными надеждами, обращается к Вырыпаеву — «Ну, теперь говори просто, без титулования». Вырыпаев, в частной жизни с Каппелем на «ты», стоит, опустив голову, молчит. Нетерпение и раздражение начинают звенеть в голове генерала: «Да отвечай же. Что сделано? Что прислал Омск?» И глухо, угрюмо звучат слова ответа: «Ничего не прислал Омск... Да вряд ли и прищлет».

Прямым проводом связан Курган со Ставкой в Омске. И через несколько часов после приезда, телефонист штаба корпуса связывает Каппеля с Омской Ставкой.

«Ваше Превосходительство, генерала Лебедева нет — он на докладе у Верховного Правителя», звучит в трубке спокойный, бесстрастный голос. «Когда будет?» «Не могу знать. Вечерами, часов в восемь, всегда бывает в Ставке». И в восемь часов Каппель слышит тот же голос: «Ваше Превосходительство, генерал Лебедев сегодня в театре. Докладывал ли я ему о вашем вызове? Так точно.. Он просил вас позвонить ему завтра, часов в девять утра».

До трех часов ночи в кабинете командира корпуса идет совещание. Кто-то предлагает обратиться непосредственно к Адмиралу, дабы ускорить формирование, но на свое предложение встречает такой взгляд генерала, что сконфуженно замолкает. Четко и ясно падают слова Каппеля: «Мы здесь многого не знаем. Верить не могу и не хочу, чтобы Ставка мне мешала. Мы творим одно дело, — может быть, уже все заготовлено, может быть, отправлено», и, закуривая папиросу, кончает: «Но требовать буду, не просить, а требовать. И добьюсь».

В кабинете накурено, душно. Каппель достает из шкафа бутылку коньяку, предусмотрительно спрятанную там Вырыпаевым. Золотыми искрами загорается в рюмках вино и в тишине звучат слова:

«За работу, за успех ее, за победу, за Россию, за всех вас!» Стоя, все пьют золотое вино — они верят этому человеку, приведшему их с Волги, они верят и ему и в него. И, ставя рюмку на стол, полковник Бузков, тихо, забывая устав, отвечает:

«Мы всегда с вами и с Россией, Владимир Оскарович».

Медленно, машинально считая ступеньки деревянной лестницы, подымался Каппель из штаба к себе наверх. В детской постоял над кроватками детей — спящая Таня была похожа на Ольгу Сергеевну. Тупая боль охватила душу. Перекрестив детей, прошел к себе. Опустившись в кресло, вспомнил, что сам назначил к девяти часам прибыть в штаб все командирам частей. Часы показывали половину четвертого. А утром вестовой генерала доложил прибывшему в штаб полк. Вырыпаеву: «Генерал всю ночь не спал — всё по своей комнате ходил».

Без четверти десять дежурный телефонист доложил Каппелю, что его вызывает Омск. Вкрадчиво и мягко звучит в трубке голос все сильного Начальника Ставки Верховного Правительства. Поздравляет с приездом, передает твердую уверенность Адмирала, что такой прославленный воин сумеет создать грозную силу и поведёт свой корпус от победы к победе. Что? Не выслано ни обмундирование, ни оружие, ни людские пополнения для развертывания корпуса? «Но, дорогой Владимир Оскарович», покровительственно звучит голос — «Это же

пустяки. Отдохните сами, дайте вашим орлам отдохнуть. Всё будет предоставлено, но подождите немного — недели две, три. Сейчас идет разработка плана весеннего наступления, согласно моего большого проекта. Нужно все прикинуть, учесть, распределить, наметить. Понимаете сами, что быстро это все не провести. Частям на фронте нужно все дать в первую очередь. Требуется Пепеляев, требуется Гайда. Ваши все планы и требования я читал, и вполне с ними согласен, но повремените. Вся ставка работает теперь у меня, чуть не, круглые сутки и скоро мы сможем удовлетворить и ваш корпус. Мы, — Верховный Правитель и я, — не беспокоимся за ваш корпус — вы в неделю сделаете то, на что другим нужен месяц». Успокаивающе и убаюкивающе звучит голос генерала Лебедева: «Как устроились? Завели ли знакомства? У меня в Ставке смеются, что одним своим появлением такой герой и красавец, как генерал Каппель, покорит сразу половину населения Кургана, особенно его женскую половину».

В тихом провинциальном Кургане, известная только близким, сгорала бурная жизнь Каппеля. Дни сплетаются в недели, недели в месяцы. Местное общество, зная о победах Каппеля на Волге, всячески пыталось познакомиться с ним и привлечь в свой круг. Курганские дамы и девицы томно вздыхали, когда видели, как красавец генерал проезжал верхом, направляясь в свои части. Но, весь отдавшись работе, Каппель знал только свой штаб и эти части.

Разрешить себе тратить время на личную жизнь не позволяло сознание долга, да он и забыл об этой личной жизни и вспоминал об этом тогда когда вырывал несколько минут для встречи с детьми, что бывало не каждый день. Волжский корпус должен был состоять из Самарской, Симбирской и Казанской пехотных дивизий и Волжской кавалерийской бригады. Это были уже не те отряды в несколько сотен человек, с которыми Каппель начал свою работу на Волге — здесь были тысячи, которых надо было обучить, обмундировать, вооружить, а главное, воспитать. Работы было очень много, но Каппель ее не боялся — было страшнее другое. Та настроенность против Каппеля, что была у во-

енных верхов Омска до его приезда, приняв новые формы, по существу оставалась. Ореол, который окружал имя Каппеля не только среди его волжан, многих раздражал. Раздражала и портила отношения та настойчивость, которую проявлял Каппель, требуя все необходимое для своего корпуса. Если Каппель в отношении самого себя не проявлял никаких претензий, то людям доверенным ему он старался всегда дать все то, что полагается. На Волге было проще — с Комучем Каппель, фактически не считался, и все что добывал в боях, сам и распределял между частями. Все нити управления в этом отношении сходились к нему. Здесь он должен был просить. Уже это одно слово нервировало Каппеля. Для людей, которые шли и скоро снова пойдут на тяжкие переживания, может быть, на смерть ради родины, просить нельзя. Им должны дать все необходимое, именно, должны. Поэтому нужно требовать в случае затяжки или задержки, и те, которые должны дать его солдатам все необходимое, не имеют права обижаться на тон его требований, если понимают, хоть немного, что такое война и бой. Каппелю известно, что на складах в Омске лежит обмундирование, которого хватило бы на три таких корпуса, а его части все еще щеголяют в том подобии обмундирования, в котором пришли с Волги. И недаром жители Кургана, глядя на них, сомнительно качают головами — «Неужели эти оборванцы могли так воевать на Волге?»

Кроме того, с формальной точки зрения, благодаря этому просто невозможно было требовать всех внешних проявлений военной дисциплины и это вызывало массу недоразумений. Умеющие только воевать с большевиками, пришедшие с Каппелем татары отдавали честь своим офицерам, а офицерам Курганского гарнизона не считали нужным, как им ни внушали это. Татар арестовывали, вели на гарнизонную гауптвахту, из штаба корпуса кого-то посылали туда выяснить обстоятельства, татары плакали горькими слезами, размазывая по физиономиям грязь — «Наша с Каппелем вся Волга ходи и нас на губвахту» — вид их был совсем не воинственный в подобиях полусубков. Кроме того, нужно обмундирование для тех, что придут для развертывания корпуса

после очередной мобилизации, а в цейхгаузах по полкам бегают только мыши. То, что прислал Омск, хватило бы на батальон. Внешне вполне уважительные ответы — отказы или просьбы обождать получал штаб корпуса, но все понимали, что причины были другие.

Выработанные на основании опыта и законов штаты трех пехотных дивизий и кавалерийской бригады были с самого прибытия Каппеля в Курган отправлены в Омск. Проведенная в начале 19-го года мобилизация должна была дать людей, но и их не было. Получалась тяжелая картина, когда части состоят из одного командного состава. Не было в достаточном количестве оружия, конский состав почти отсутствовал, хозяйственные части не имели самых минимальных запасов. Нужно было создавать, творить, работать, но материала для творчества не было. Каждый в праве спросить, какие это другие причины, о которых говорилось выше. С тех пор прошло сорок восемь лет, почти все свидетели ушли в лучший мир, но из показаний немногих оставшихся и мемуарной литературы можно назвать две таких причины. Первая это, как говорилось, известная настроенность против Каппеля лично, усиливающаяся благодаря его законным, но иногда резким требованиям, и то, что он вышел из эс-эровской Самары. Про вторую можно прочесть в мемуарах опытного боевого генерала Будберга, бывшего некоторое время военным министром в Омске. Начальником ставки Адмирала Колчака был академик, георгиевский кавалер, молодой генерал Д. А. Лебедев. Разрабатывая грандиозный план весеннего наступления с массой маневров, доступных только регулярной армии, а не армии гражданской войны, упустив из виду все особенности этой войны, психику мобилизованных солдат, он с головой ушел в эту разработку, отбросив все, что с ней не было связано. Молодой задор, самоуверенность, огромное самолюбие, наконец, манящее имя победителя большевиков и российского Наполеона играли в подготовке плана, едва ли не главную роль. Но надлежащего серьезного опыта ведения войны гражданской не было, и старый многоопытный Будберг в своих мемуарах называет его «младенцем от генерального штаба». Но Каппелю от этого легче не было. Форми-

рование корпуса стояло на мертвой точке. Правда, за это время пришедшие с ним добровольцы отогрелись, отоспались, подтянулись, ежедневные строевые занятия придали им надлежащий вид. Но Каппель знал, что у всех них живет в душе чувство горечи, которое испытывает и он. Эти люди чувствуют себя пасынками, но понять и объяснить причину этого не могут. Каппель видит их недоуменные и вопрошающие взгляды, но что он может сделать? Мысли текут непрерываемой чередой, память рассказывает о том, что еще не сделано, воля заставляет идти без усталости вперед. «Создавать нужно», — бьется неотступно в мозгу.

По всему уезду и за его пределы направлены Каппелем верные люди. Он не жалеет денег, и за эти деньги его люди свозят в Курган все, что необходимо для корпуса. По деревням, после позорного конца 1-ой Германской войны можно купить все, до пулеметов включительно. Каждый день интендант корпуса получает привезенное из деревень имущество. Но это не снабжение, а его паллиатив. Недавно, после долгих совещаний в штабе, Каппель решил провести в уезде конскую мобилизацию, так как Омск определенно заявил, что лошадей для корпуса дать не может. И опять, превратив мобилизацию в обыкновенную покупку, Каппель не жалеет денег. Маленькие, обросшие длинной шерстью, очень выносливые и очень злые лошади стояли в конюшнях будущей кавалерийской бригады, но их хватило бы на один эскадрон.

Прошел январь, наступил февраль и все в тех же полушубках и шинелях щеголяют волжане. Зашили, как могли, починили, вычистили, но вид от этого стал немного лучше. До предела возможного вычистили старые, привезенные с собой, заржавленные пулеметы и винтовки. С половины января начались занятия. Устав внутренней службы и дисциплинарный многие из добровольцев, особенно татары, слышали впервые. Люди стали подтягиваться внешне. Каппель сурово требовал усиленных занятий, не давая этим возможности зародиться в головах людей чувству обиды в отношении к Омску. Проверенные и утвержденные им расписания занятий в частях занимали почти весь день, не оставляя

времени для праздности и праздных мыслей. Всю тяжесть переживаний пасынка он взял на себя. Мало того, он твердо, а иногда и резко, прерывал всякого из своих близких людей, который заводил разговор о позиции Омска. Понятие о сущности дисциплины запрещало ему вести подобные разговоры, хотя он отлично знал, что все понимают положение вещей.

Почему-то выходило так, что он говорил по прямому проводу с генералом Лебедевым всего два-три раза, а потом ему стали передавать, что начальника Ставки то нет в Ставке, то он занят чем-то неотложным, то уехал куда-то из Омска. И говорившие с Каппелем помощники генерала Лебедева каждый раз вежливо обещали все доложить своему начальнику, но сами без него никаких вопросов разрешить не могли. «Партизанский генерал» явно нервировал Ставку, а когда его доклады и требования стали противоречить правилам военного писемводства и в них появились нотки резкости, то стало нарастать и озлобление. И прослушав очередного докладчика о требованиях Каппеля, говорил ему генерал Лебедев: «Да, конечно, это все необходимо исполнить. Только нужно подробнее разобрать этот вопрос. Просмотрите внимательнее требования генерала Каппеля и изложите свои соображения. Позднее. Потом как-нибудь». Требования Каппеля оставались на «потом», но тут приходили из Кургана новые несносные бумаги. «Видимо наш блестящий Каппель думает, что только он один у нас и свет в окошке», говорили чины Ставки, вторя своему начальству. А Каппель в это время горел в захолустном Кургане. Подходила весна, все знали о готовящемся большом весеннем наступлении, а третий корпус насчитывал в своих рядах только тех, кто пришел с Волги.

Как когда-то в походах, черные круги легли вокруг глаз Каппеля — мучительная, бесплодная работа днем и бесонной ночью была тяжелей, чем стоверстные переходы на Волге. Чувство бессилия впервые посетило его — оно, это чувство, ломало всякие его понятия о чести, честности и правде людей. Иногда стало казаться, что люди, которых он привел сюда, смотрят на него с укором. Это было очень тяжело и страшно. Напрягая волю,

он сдерживал себя днем, стараясь казаться людям спокойным, но подходила ночь и, оставшись один, он целыми часами сидел в кресле, сжав до боли пальцы рук и отыскивая способ, чтобы разбить окружающую его в Омске однозность и исполнить дело порученное ему Адмиралом. Но к нему он обратиться не мог, не позволяли понятия о чести и порядочности. Ночь тянулась без конца и края, подходило утро, сна не было, и с терпкой, ядовитой горечью в душе Каппель спускался в штаб, чтобы опять казаться окружающим бодрым и спокойным.

А в это время в Омске докладывали Верховному Правителю, что формирование корпуса идет нормально, по намеченному плану.

Однажды утром, просматривая бумаги, Каппель вспыхнул, прочитав какой-то рапорт. Резким звонком вызвал ординарца: — «Полковника Вырыпаева немедленно ко мне». Во всю силу лошадиных ног полетел ординарец за Вырыпаевым. «Господин полковник, к Командиру корпуса», задыхаясь, пробормотал он. — «Очень сердит!». Через двадцать минут Вырыпаев вошел в кабинет генерала. Стоя, резко и официально спросил Каппель: «Это ваш рапорт, полковник Вырыпаев?» и на утвердительный ответ также гневно продолжал: «В рапорте вы просите моего разрешения именовать нашу батарею батареей имени Каппеля. Я не царской крови, чтобы это разрешить», и, подумав, добавил: «И не атаман». Пройдясь по комнате и немного успокоившись, добавил, возвращая рапорт — «Возьми и порви — раз и навсегда так будет». Обреченный, он не предполагал, что через год его имя будет носить вся Белая Армия Сибири.

А из Омска все ничего, кроме обещаний, не было. Бывшие с Каппелем в Кургане люди говорили, что именно в этом городе впервые в волосах генерала появились серебряные нити.

В конце февраля на обеде, устроенном офицерами батареи и на котором присутствовал и Каппель, один офицер произнес тост, ярко рисуя отношение волжан к своему командиру. «Я прошу поднять и выпить бокалы за здоровье того, кто дал каждому из нас воз-

можность смело смотреть в глаза всему миру, за того, кто дал нам гордое право сказать — я каппелевец». Обед, который начался вечером, затянулся, — вставали и рисовались в тумане прошлого картины, полные подвигов и побед, — это была одна семья, крепко сплоченная, в которой каждый понимал друг друга. Кончалась ночь, подходило утро. И забывшись ненадолго в этой своей семье от томящих дум и переживаний и снова возвращаясь к ним, Каппель, прощаясь, встал и сказал: «В эту ночь мы пережили много незабвенных дружеских часов, но эту ночь мы украли у нашей родины России, перед которой у нас есть один долг: напрячь и удвоить нашу энергию для ее освобождения». Громкое «ура» не дало закончить ему этой фразы. Так пишет в своих воспоминаниях полк. Вырыпаев.

В марте, раньше обычного, началась оттепель. В сопровождении ординарца, Каппель ехал шагом в одну из своих частей. Выполнение расписания занятий, утвержденного им, он ежедневно проверял лично. Опустив глаза, крепко сжав поводья, он мучительно решал все одну и ту же задачу — как сдвинуть с места неразрешимый вопрос о формировании корпуса. На углу одной улицы он поднял голову и глаза его встретились с черными, большими, как вишни, глазами молоденькой девушки, приветливо махнувшей ему рукой. Генерал тоже, улыбнувшись, приложил руку к головному убору. Он не знал, кто эта девушка, но его в городе знали все и он не удивился ее приветливому жесту. Чистая, русская, миловидная молодость улыбнулась ему, но на душе от этого стало еще тяжелее — «Что будет с ней и подобными ей, если мы уступим в борьбе?» В раздражении Каппель дал шпоры коню и крупной рысью подъехал к казарме.

Но только он сошел с коня, как из дверей казармы быстро вышел дежурный офицер и, отдав уставной рапорт, добавил: «Ваше Превосходительство, сейчас звонили из штаба корпуса — пришла телефонограмма о присылке пополнений и просили вас вернуться».

Мелькали в бешеном карьере дома города — генерал шпорил коня. Не останавливая, спрыгнул с седла, быстро вбежал на ступеньки, сбросил шубу, прошел в

кабинет, лицо светилось радостью и жизнью. Откуда-то узнавши о сообщении из Омска, в штабе был полк. Вырыпаев. Каппель схватил телефонограмму — она была шифрованная. Опустившись на стул, вынул из кармана шифр, несколько минут расшифровывал. Откинулся на спинку стула, провел по лбу рукой и вдруг рассмеялся — странный был этот смех.

«Василий Осипович, они дают нам пополнения и большие из Екатеринбурга» — он задохся в смехе — «Пополнения — пленных красноармейцев».

Этот странный, больной смех был тяжелой реакцией на все пережитое за последнее время, и горькой болью-ответом на присылаемые пополнения.

Вырыпаев молчал — он тоже понимал, что такое пополнение не усилит, а ослабит корпус, так как непроверенная, непрофильрованная масса бывших красноармейцев поглотит старые кадры и в момент боевой работы от нее можно ожидать всего, что угодно. Опустившись на стул, Каппель сжал голову руками. В кабинете царило молчание. Прошла минута, две, может быть десять. Не изменяя позы, как будто говоря сам с собой, генерал тихо проговорил: «За этими пленными красноармейцами я должен ехать в Екатеринбург и там их принять. Они, как здесь написано (он кивнул на телефонограмму), сами пожелали вступить в наши ряды и бороться с коммунизмом, но...» Каппель на минуту замолк, и тяжело вздохнув, закончил: «Их так много этих «но».

И опять в кабинете воцарилась тишина. Сменяя быстро одна другую, в голове Каппеля мелькали мысли, — они были тяжелы и мучительны, — в поисках выхода из положения. Напряженный до предела мозг искал верный путь к дальнейшей борьбе и победе. И бросив руки на стол, выпрямившись, Каппель поднял голову. Лицо и потемневшие глаза были спокойны и холодны. Медленно падали отрывистые, резкие слова и трудно было понять чего в них больше — горечи или веры в себя. «Все равно, всех поделить между частями» — слушал эти слова Вырыпаев. — «Усилить до отказа занятия, собрать все силы, всю волю — перевоспитать, сделать нашими — каждый час, каждую минуту думать

только об этом. Передать им, внушить нашу веру, заразить нашим порывом, привить любовь к настоящей России, душу свою им передать, если потребуется, но зато их души перестроить».

Каппель уже ходил по комнате и вставший тоже полковник Вырыпаев слушал его горячие слова. — «Их можно, их нужно, их должно сделать такими как мы. Они тоже русские, только одурманенные, обманутые. Они должны, слушая наши слова, заражаясь нашим примером, воскресить в своей душе забытую ими любовь к настоящей родине, за которую боремся мы. Я требую, я приказываю всей своей властью вам всем старым моим помощникам, забыть о себе, забыть о том, что есть отдых — все время отдать на перевоспитание этих красноармейцев, внушить нашим солдатам, чтобы в свободное время и они проводили ту же работу. Рассказать этому пополнению о том, какая Россия была, что ожидало ее в случае победы над Германией, напомнить какая Россия сейчас. Рассказать о наших делах на Волге, объяснить, что эти победы добывала горсточка людей, любящих Россию и за нее жертвовавших своими, в большинстве молодыми, жизнями, напомнить, как мы отпускали пленных краснормейцев и карали коммунистов. Вдунуть в их души пафос победы над теми, кто сейчас губит Россию, обманывая их. Самыми простыми словами разъяснить нелепость и нежизненность коммунизма, несущего рабство, при котором рабом станет весь русский народ, а хозяевами — власть под красной звездой. Мы должны...» — Каппель остановился, а потом, подойдя к Вырыпаеву, положил ему на плечи свои руки: «Мы должны свои души, свою веру, свой порыв втиснуть в них, чтобы все ценное и главное для нас стало таким же и для них. И при этом ни одного слова, ни одного упрека за их прошлое, ни одного намека на вражду, даже в прошлом. Основное — все мы русские и Россия принадлежит нам, а там в Кремле не русский, чужой интернационал. Не скупитесь на примеры и отдайте себя полностью этой работе. Я буду первым среди вас. И если, даст Бог, дадут нам три, четыре месяца, то тогда корпус станет непреодолимой силой в нашей борьбе. К вечеру будет написан полный подробный приказ обо всем этом.

Когда я их привезу, то с самого начала они должны почувствовать, что попали не к врагам. Иного выхода нет и, если мы хотим победы над противником, то только такие меры могут ее нам дать или, во всяком случае, приблизить. Да, нас наверное спросят, за что мы боремся и что будет, если мы победим? Ответ простой — мы боремся за Россию, а будет то, что пожелает сам народ. Как это будет проведено — сейчас не скажешь — выяснится после победы, но хозяин страны — народ и ему, как хозяину, принадлежит и земля. Это так, черновик, — к семи часам собрать всех командиров и всех офицеров — тогда все и будет уточнено».

Утомленный нервным порывом Каппель опустился на стул. Вырылаев, поклонившись, направился к дверям. Но едва он взялся за дверную ручку, как снова услышал голос генерала и повернулся к нему.

— «Василий Осипович, постой. Ты знаешь мои убеждения — без монархии России не быть. Так думаешь и ты. Но сейчас об этом с ними говорить нельзя. Они отравлены ядом ложной злобы к прошлому и говорить об этом с ними — значит только вредить идее монархии. Вот потом, позднее, когда этот туман из их душ и голов исчезнет — тогда мы это скажем, да нет не скажем, а сделаем, и они первые будут кричать «ура» будущему царю и плакать при царском гимне... Вот все. Вечером встретимся — можешь идти».

Вечером, к семи часам, когда в штаб корпуса собрались офицеры, все высказанные, отрывистые мысли были систематизированы и точно и ясно выражены в готовом написанном приказе.

— «В одиннадцать часов я еду в Екатеринбург за пополнением. Вернусь дня через три-четыре. За это время вы обязаны объяснить положение вашим солдатам и внушить им, что они тоже должны проводить в отношении бывших красноармейцев такую же линию. В приказе этого не сказано, но эту свою волю я передаю вам на словах», закончил Каппель это собрание.

В темноте зимнего вечера расходились офицеры по своим частям, и каждый ясно и отчетливо понимал, что иного выхода нет, и Каппель еще больше вырос в их глазах.

А через два часа после совещания в штабе, паровоз, в темноте зимней ночи рассыпая искры, нес два вагона Каппеля в Екатеринбург.

В больших казармах на окраине Екатеринбурга было собрано больше тысячи пленных красноармейцев, выразивших желание служить в Белой Армии. Сегодня утром им было объявлено, что в этот день придет их будущий начальник для приема их в свои части. Фамилия его названа не была. По двору казармы, на всякий случай, прохаживались с винтовками два часовых из местных белых частей. Такой же караул виднелся и у внешней стороны ворот. Разговаривать с пленными им было запрещено, но один из них на назойливые приставаивания бывших краснормейцев назвал им фамилию начальника — «Генерал Каппель». Узнавшие про это молодые парни хлопнули себя по бедрам и пулей влетели в казарму. «Товарищи, то бишь, братцы — Каппель будет у нас, к нему нас определили».

Это имя, известное в то время всем, всколыхнуло всю казарму и наполнило радостным гулом: служить под начальством легендарного генерала было лестно, а один красноармеец, покрывая общий шум, завопил истощенным голосом: «Братцы, так ён меня под Васильевкой из плена отпустил, пальцем не тронул».

Треща и фыркая, старый автомобиль подвез Каппеля к воротам казарменного двора. Подтянутый, стройный, красивый генерал быстро вышел из машины. Сквозь открытые ворота, во дворе виднелась толпа его будущих солдат, но перед воротами стояло двое часовых и к нему, держа руку у головного убора, подошел с рапортом поручик, караульный начальник. Приняв рапорт Каппель, сурово сдвинув брови, обратился к нему с вопросом, к чему приставлен его караул.

— «К пленным красноармейцам, Ваше Превосходительство», ответил в простоте душевной недогадливый поручик.

— «К пленным красноармейцам? Каким?» — еще строже спросил генерал.

— «К тем, которые во дворе и в казарме — вот к этим, Ваше Превосходительство», губил себя молодой офицер.

Каппель побледнел и страшными глазами впился в поручика.

— «К моим солдатам я не разрешал ставить караул никому. Я приказываю вам, поручик, немедленно снять своих часовых с их постов. Здесь сейчас начальник — я, и оскорблять моих солдат я не позволю никому. Поняли?». И, пройдя мимо окаменевшего поручика, быстро вошел во двор к замершей толпе, слышавшей весь этот разговор.

— «Здравствуйте, русские солдаты», приложив руку к папахе, звонким голосом на весь двор крикнул Каппель. Дикий рев, не знавшей уставного ответа толпы огласил двор. Каппель улыбнулся. Красноармейцы, сами понимающие нелепость своего ответа генералу, сконфуженно улыбались, переминаясь с ноги на ногу. — «Ничего, научитесь», произнес Каппель. — «Не в этом главное — важнее Москву взять — об этом и будет сейчас речь», добавил он, направляясь в казарму, куда, опережая его кинулись красноармейцы, и когда он вошел туда, чей-то страшный бас, уже совсем по уставному, рявкнул: — «Встать, смирно!»

И через три дня два эшелона с пополнениями для третьего корпуса двинулись из Екатеринбурга в Курган, а вместе с этим беспощадно и неуклонно приближались последние акты трагедии генерала Каппеля.

После прибытия эшелонов в Курган, третий корпус по тем временам стал численно большой боевой единицей. В корпус входили, как уже говорилось, Самарская пехотная дивизия, которой командовал ген. Имшенецкий, Симбирская пехотная дивизия — начальник ген. Сахаров Николай, Казанская пехотная дивизия — начальник полковник Перхуров (брат главы Ярославского восстания), кавалерийская бригада — генерал Нечаев и отдельная Волжская батарея — полковник Вырыпаев.

Но если в батарею было зачислено сравнительно мало вновь прибывших людей и они растворились в старом батареинном составе, то в пехоте и кавалерии явление было обратное: прибывшие пополнения погло-

тили старый волжский состав. Если принять во внимание, что среди вновь прибывших людей многие были в достаточной степени пропитаны во время службы в красной армии соответствующим направлением, то вполне понятно, что начальникам этих частей приходилось слишком много работать, чтобы перевоспитать их, согласно приказу Каппеля, а во многих случаях и проверить их лояльность. Это требовало, прежде всего, времени. Но рассчитывая, что на полное формирование корпуса, проверку прибывших людей, знакомство с ними и организацию сильной боевой единицы, будет дано достаточно времени, все старшие и младшие начальники, не жалея себя, принялись за работу. Так как бывшие красноармейцы, хоть и вкратце, но познакомились со строевой службой, находясь в рядах красной армии, то главное внимание было обращено на тщательную проверку облика прибывших и их перевоспитание.

Прошло три недели со времени прибытия пополнений. Каппель потерял представление о времени, о дне и ночи, о том, что когда-то нужно спать или обедать. Из полка в полк, из роты в роту, с утра до вечера, часто по ночам, — и если старые волжане знали его неумную энергию по прежним походам, то теперь с удивлением смотрели на своего генерала, не понимая, как может человек выносить такой нечеловеческий труд.

В этот вечер Командир Корпуса вернулся в штаб к 10 часам вечера. Пройдя в кабинет, он устало опустился на стул и закурил папиросу. Потянувшись так, что затрещали суставы, он довольно улыбнулся. Результаты работы начинали постепенно выявляться — за три недели большего сделать было нельзя. Во всяком случае, корпус почти очищен от подозрительного элемента. И это было не так легко сделать — враг слишком хитер и среди добровольцев-красноармейцев оказались совсем не добровольцы.

В голове Каппеля мелькнула мысль, обращенная к высшему начальству, мысль-просьба, горячая и страстная: «Еще три, ну, хотя бы, два месяца и корпус будет страшной силой. Хоть два месяца», не просила, а молила мысль. Каппель потрянул головой — «Глупости

лезут, заполняют мозг. Устал, поэтому. Там же понимают, что меньше нельзя».

В кабинете было тихо, уютно горела настольная лампа. — «Скоро Пасха», шепнула другая мысль. — «Все эти красноармейцы забыли о ней — напомним — ведь и Пасха и они сами — русские».

Тело уставшее до предела требовало отдыха. Были планы для завтрашнего дня, которые нужно проработать, но глаза смыкались сами собой. Чуть звякнув шпорами, встал и перешел на кушетку. — «Немного отдохну — закончу», путалось в голове и сон темным одеялом отделил его от всего мира.

Осторожный стук в дверь разбудил его.

От неудобного положения затекли ноги, с трудом встал, взглянул на часы — два часа ночи. Стук в дверь повторился.

— «Войдите», чуть охрипшим от сна голосом бросил Каппель. Вошел дежурный телефонист.

— «Шифрованная телеграмма из Омска, Ваше Превосходительство», произнес он, протягивая генералу листок, испещренный понятными лишь Каппелю цифрами и буквами.

Перед глазами плясали и качались стены, лампа, пол, потолок, шумело в ушах, пересох во рту язык и стал шаршавым и твердым, в голосе путался в сумасшедшем хаосе рой мыслей без начала и конца и, кажется, в первый раз в жизни дрожали похолодевшие руки.

«Комкору 3 генералу Каппелю. По повелению Верховного Правителя вверенному вам корпусу надлежит быть готовым к немедленной отправке на фронт. Подробности утром. Начальник Ставки Верховного Правителя Генерал Лебедев».

Дежурный телефонист штаба 3-го корпуса, не переставая, вызывал Омскую ставку. В ответ было молчание. Телефонист, перепуганный и бледный, снова и снова давал вызов. Облокотившись на стол около аппарата, Каппель не двигался с места. «Там должен быть кто-нибудь, какой-то дежурный, что ли. Это твой аппарат не работает. Сидите в штабе, ничего не делаете. Завтра всех в строй пошлю, к чорту. Вызывай, как знаешь... Понял?» Обычная выдержка оставила Каппеля — слишком серь-

езное было положение. Телефонист включал и включал аппарат и, наконец, около четырех часов утра услышал ответ. Каппель схватил трубку.

— «Соедините немедленно с квартирой ген. Лебедева». — «Кто говорит?» — «Генерал Каппель».

Он хотел разнести дежурного в Ставке, но тот оказался невиновным, так как с ним по прямому проводу говорил ген. Пепеляев и прервать разговор было нельзя. Но и требование Каппеля он не мог исполнить, так как ген. Лебедев вечером выехал из Омска и вернется только утром, часам к восьми. Говорить дальше не было смысла и Каппель снова вернулся в кабинет. О сне не могло быть и речи. Нужно было разобраться во всем возможно спокойнее. Он сел за стол, развернул списки частей

Кроме батареи, все списки были неутешительны, так как состав частей почти на 80% состоял из привезенных три недели назад пленных красноармейцев. Было ясно, что не только перевоспитать, но и как следует познакомиться с ними командиры частей не могли. Верить этой чужой еще массе нельзя, тем более, что было несколько случаев обнаружения среди пополнения специально подсланных коммунистов-партийцев. Сколько их еще находится в корпусе — неизвестно никому. Раньше бывали тяжелые, казалось, безнадежные моменты, но была глубока вера в своих соратников. Теперь не было не только этой веры, но давило сознание, что корпус переполнен людьми, которым верить нельзя. Страшнее этого было другое — в этой чужой, непроверенной массе могут погибнуть те лучшие верные люди, которые в него верят и которых охранить он теперь не сможет. Жгло ум сознание, что всякий, самый малый, план нужно составлять с учетом почти полной ненадежности частей, иначе говоря, не быть уверенным ни в чем.

Каппель позвал дежурного ординарца: «Передать сейчас же начальнику штаба, чтобы к половине седьмого был здесь». Отправив ординарца, горько усмехнулся — начальник штаба, талантливый, боевой полковник Барышников в мирной обстановке был большим поклонником Бахуса. Правда, он боялся, чтобы командир корпуса не увидел его в нетрезвом виде, но по бледному лицу и мутным глазам Каппель безошибочно угады-

вал, что ночь у полковника Барышникова прошла довольно бурно. Этот порок искупался у него огромной работоспособностью днем, его глубоким знанием дела, часто очень дельными советами и только поэтому Каппель держал его около себя.

Часы на стене неуклонно отмечали минуты, ночь подходила к концу, но об этом в тяжелом ходе своих мыслей генерал забыл. Неизвестно который раз, пересекал он шагами свой кабинет. В доме была тишина, в передней дремали ординарцы, наверху спокойно спали дети, а он метался, не находя выхода, не веря своему корпусу. Приближался рассвет, окно стало из черного серым, обозначились на нем переплеты рам, но от этого становилось еще страшнее...

Оставалось одно — просить, доказывать невозможность, бесполезность, а может быть и вред отправки частей на фронт сейчас, в настоящем их виде, но это противоречило понятию о воинской дисциплине, такой для него привычной, так пропитавшей его. — «Ну, а если иного выхода нет?», подумал, опускаясь на стул. Знал на своем веку Каппель тяжелые ночи, когда уже дыхание смерти касалось его, но такой, как говорил позднее, ему переживать не приходилось. В каменную, тупую стену приказа уперлось теперь все, а за этой стеной была пустота и бессмысленная гибель лучших людей. Каппель сжал руками голову и застыл.

Стук в дверь привел в себя. — «Да», хрипло бросил он. Вошел полковник Барышников. — «По вашему приказанию, Ваше Превосходительство, прибыл». Каппель обвел глазами комнату — утренний свет заливал ее, взглянул на часы: было половина седьмого. — «Садитесь», указал он на стул. Барышников, на этот раз проведенный ночь спокойно, сразу понял серьезность момента, взглянув на бледное лицо генерала. «Что случилось, Владимир Оскарович?», тихо спросил он. Каппель протянул ему листок с расшифрованной телеграммой. Прочитав ее, Барышников опустил голову и долго молчал. Потом так же тихо, смотря в пол произнес: «Владимир Оскарович, это гибель».

В половине восьмого вторая шифрованная телеграмма лежала перед Каппелем, она гласила о тех «под-

робностях», которые упоминались в первой телеграмме. «Комкору три генералу Каппелю. С получением сего, вверенному вам корпусу надлежит немедленно отправиться в распоряжение Командарма три. Начштаба Верховного генерал Лебедев».

Вызвав немедленно всех командиров частей, Каппель прочел им обе телеграммы. Ответом была мертвая тишина. Взяв себя в руки, Каппель, внешне спокойно, обратился по очереди ко всем пришедшим с вопросом о состоянии их частей.

Ответы были неутешительные. Тогда, опустив глаза, как бы стыдясь ответа, который должен был услышать, спросил: «Вы верите в своих солдат, вы знаете их?» Короткое страшное слово «нет» прошепстало в кабинете. Выслав из телефонной дежурного, Каппель сам соединился с Омском. Спокойно и ясно, не скрывая правды, говорил он о состоянии корпуса начальнику Ставки. Лебедев слушал, не отвечая ничего. Каппель привел все имеющиеся у него доводы, доказывал бесполезность отправки корпуса на фронт в настоящем его состоянии, рисовал катастрофу, которая может произойти. Под конец он увлекся и стал говорить горячо и страстно, вкладывая в каждую фразу горечь и боль от безусловного и бесполезного разгрома корпуса, ожидающего его на фронте, корпуса переполненного непроверенными пленными красноармейцами, рассказал о случаях обнаружения в частях партийцев, наконец просил дать хоть один месяц для приведения корпуса в надлежащий вид. Лебедев молча, не прерывая, слушал горячую речь Каппеля и, когда последний закончил, прямой провод принес короткие и ясные слова ответа: «Генерал Каппель, вы получили приказ? Завтра корпус должен выступить в полном составе в распоряжение Командарма три». В трубке резко щелкнуло — разговор был окончен.

Говорить здесь о причинах, вызвавших приказ ставки не входит в изложение нашей темы, а кроме того, это вопрос очень сложный, который мог бы быть освещен только при наличии необходимых документов и свидетельских показаний. Ни того, ни другого у нас не имеется и разобрать его удастся только тогда, когда

эти необходимые данные будут иметься, что весьма проблематично. Генерал Лебедев давно умер, из чинов его ставки и высшего военного управления Омска тоже, кажется, никого не осталось в живых. Во всяком случае, если кто либо сможет дать освещение этим вопросам — освещение серьезное и беспристрастное, то в будущем оно будет издано, как приложение к этой биографии генерала Каппеля. Высказывать же свои соображения и выводы без серьезного основания автор не считает возможным.

Приказ есть приказ, и неподготовленный и непроверенный корпус двинулся на фронт. Еще по дороге Каппель получил приказ передать, по прибытии на фронт, кавалерийскую бригаду и отдельную Волжскую батарею в распоряжение ген. Волкова, командира казачьего корпуса. Таким образом, у Каппеля осталась пехота, состоящая почти сплошь из бывших красноармейцев, что, как увидим ниже, имело самые пагубные последствия.

Полковник Вырыпаев про это время пишет так: «Командование Западной Третьей армии, видимо по халатности, назначило местом выгрузки 3-го корпуса город Белебей, который был уже занят противником, и Волжскому корпусу пришлось выгружаться пошелонно, в непосредственной близости к противнику и очень часто под сильным ружейным и пулеметным огнем, входя сразу в бой. Необученные и непрофильрованные части, состоящие почти сплошь из бывших красноармейцев, целиком переходили к красным, увозя с собой офицеров. Свои же надежные каппелевские части, если не уничтожались, то несли громадные потери, и отходили вместе с уральцами и сибиряками. Таким образом, третий корпус, на создание которого было потрачено столько сил и энергии, в короткое время, хотя и не был совсем уничтожен, но был сильно потрепан и не представлял собой той грозной силы, которой он мог бы быть, если бы все было проведено планомерно. После больших усилий, Каппель собрал измотанные и полууничтоженные части корпуса на реке Белой, куда красные подтянули свежие резервы и почти ежедневно производили яростные атаки. Высшее командование приказало

держаться корпусу на рубеже реки Белой еще несколько дней. Волжане, измотанные непрерывными ежедневными атаками со стороны красных, еле держались на ногах и совершенно не спали по нескольку суток. На успех трудно было рассчитывать. Каппель приказал Уржумскому полку подтянуться из резерва к месту прорыва и атаковать красных с севера, а мне приказал прибыть тоже к месту прорыва и, объединив всю артиллерию (три батареи кроме моей), содействовать наступающим частям в центре. Прибыв на указанное место и связавшись с батареями, я приказал им в назначенный час открыть интенсивный огонь по деревне, где скопились только что переправившиеся через реку красные. До этого эта деревня переходила из рук в руки четыре раза, наша пехота в этих атаках была измотана до последней степени, и мне было ясно, что таким частям атаковать врага нельзя и что из нашей затеи ничего не выйдет. Трещали пулеметы, настойчиво била артиллерия, но красные продолжали расширять занятый ими участок на нашей стороне реки. За десять минут до атаки, на взмыленном коне, прискакал с одним ординарцем Каппель и остановился у небольшой рощицы, почти в линии нашей пехоты. Весть о его появлении прошла по рядам нашей пехоты, как электрический ток. Все сразу оживились. Оставив коня за рощей, Каппель пошел вдоль цепей, шутил с солдатами, задавал им разные вопросы. За небольшим пригорком собралась кучка бойцов; он объяснил, как будем наступать.

— «А с севера и с нашего правого фланга ударят уржумцы», как бы вскользь, бросил он. Правда, это было все, что было у него в резерве, да и от Уржумского полка осталось только восемьдесят человек. И когда наступил срок атаки Каппель крикнул — «С Богом». Наша пехота, как один человек, выскочила из своих укрытий и бросилась на врага. Каппель ушел вдоль нашей линии. Скоро оттуда прибежал батарейный наблюдатель Беляев и доложил мне — «Господин полковник, возьмите генерала куда-нибудь в укрытие — убьют его там». Я побежал к Каппелю и предложил ему присесть в небольшом окопе моих боковых наблюдателей. Огонь противника стал стихать. Наша пехота входила в дерев-

ню. Переправившихся красных наши бойцы опрокинули в реку, так как большинство из них не попало на переправу. Более двухсот красных было взято в плен. Было захвачено 27 брошенных красными пулеметов, много винтовок, патронных двуколок и другого военного имущества. Каппель тут же собрал начальников отдельных частей, поблагодарил их, просил благодарить бойцов за доблестную атаку. Рассказал задачу на будущее, сел на коня и уехал в штаб.

Невольно возникал вопрос — какой силой, каким гипнозом действовал Каппель на солдат? Ведь на таком большом участке прибывшие резервы — остатки Уржумского полка нормально не могли бы ничего сделать. Части же, стоявшие на этом участке, имели в продолжение четырех дней непрерывный бой и в течение этого времени были почти без сна. Потом, после боя, я много разговаривал с офицерами и солдатами на эту тему. Из их ответов можно было заключить, что огромное большинство их слепо верило, что в тяжелую минуту Каппель явится сам, а если так, то должна быть и победа!»

Выбиваясь из последних сил, цепляясь за каждый пригорок, западная 3-я армия, в состав которой входили и остатки третьего корпуса, отходила на восток. Тыл и ставка явно обнаружили свою несостоятельность. Каппель видел, что Ставка потеряла инициативу, не имея твердых планов на будущее и часто предоставляя большим соединениям действовать самостоятельно, вразброд, не связывая эти действия с положением соседних частей. Получалось безначалие. Ставка, работавшая по военным законам нормальной жизни, равняясь на кадровую армию, выронила вожжи из рук, так как все происходившее и все меры, которые было нужно принять, не подходили под эти законы. Требовалось экстренно что-то новое, чего Ставка просто не знала.

Нужно добавить, что стало беспокойно и в тылу. С одной стороны, появились красные партизанские отряды, с другой стороны, тяжелым грузом легла развив-

шаяся в тылу атаманщина, считавшаяся с Верховной Властью постольку-поскольку. Но так как эта тяжелая сторона не входит в содержание нашей темы, то оставаться на ней мы не будем. Отыскивая выход из создавшегося положения, Каппель пришел к выводу, что нужно составить какой-то новый план, который задержал бы наступление красных и дал возможность Белым частям где-то задержаться, отдохнуть, пополниться и стать снова крепкой силой. В череде бесконечных боев, тяжелых переходов и общей подавленности он выносил, продумал этот план и представил его в Ставку. План этот был основан на том, что как и у нас, так и у противника все боевые части были брошены на фронт и в тылу остались только слабые, нетвердые формирования. Кроме того, он знал, что если беспокойно в нашем тылу, то ничуть не лучше в этом отношении и у красных, так как население там в достаточной мере испытало все ужасы военного коммунизма. На основании этого Каппель и составил свой план, состоявший в том, что он с двумя тысячами всадников, пройдя незаметно сквозь линию фронта, уйдет со своим отрядом в глубокие тылы противника и начнет там партизанскую работу. Так как этот план предвидел самую широкую работу в тылу красных, которая вызвала бы острую тревогу, то для ликвидации этого необходимо было бы снять с красного фронта какие-то части, что в свою очередь ослабило бы его и облегчило наше положение. Каппель имел точные сведения о недовольстве населения в красном тылу и, если бы дать возможность вспыхнуть этому недовольству, то неизвестно, как повернулась бы дальнейшая судьба. Но он знал и другое, о чем сказал тем, кого хотел взять с собой. Сознвая возможность серьезного конца в случае неудачи, он говорил:

— «Может быть нам суждено погибнуть». Эти слова записаны полковником Вырыпаевым, который должен был участвовать в этой экспедиции. Холодным и коротким был ответ Ставки: «Ставка не располагает такими ресурсами, чтобы рисковать двумя тысячами всадников».

Больно верить, но инспектор артиллерии всего фронта, ген. Прибылович, рассказывал позднее полк.

Вырыпаеву, что в этом отказе сыграли роль мотивы личного характера.

Время шло, армия отходила.

Главкомандующий, старый, боевой, опытный ген. Дитерихс, видя и понимая полную несостоятельность работы Ставки, объехал всех командующих армиями — генералов Пепеляева, Лохвицкого и Сахарова и, убедившись в полной невозможности удержать красную лавину, доложил Верховному Правителю о необходимости эвакуации Омска и отвода всех частей глубоко в тыл, на заранее подготовленные позиции, чтобы задержаться там до весны и тогда, отдохнув и переформировавшись, снова перейти в наступление. План этот был Адмиралом одобрен и стали приниматься соответствующие меры.

Но вот что пишет профессор Гинс о событиях, последовавших за этим.

«Командовавший 3-ей армией ген. Сахаров просил у Верховного разрешения приехать в Омск. Ему разрешили. Сахаров сделал доклад о положении на фронте, о нуждах армии, настроении ее. Из всего выходило, что защищаться нельзя. Но к общему удивлению он сделал неожиданно вывод, что защищаться нужно. Ген. Дитерихс был смещен и главнокомандующим был назначен Сахаров. Начатая эвакуация Омска была отменена, поднялась неразбериха и путаница». (Том 2-ой, часть 3-ья, стр. 410).

Генерал Каппель был назначен командующим 3-ей армией вместо Сахарова. К этому времени 3-я армия была уже прижата к левому берегу Иртыша. Широкая, бурная река не замерзала. По ней шли отдельные льдины, но было слишком тепло, чтобы они сковали весь Иртыш. Гибель нависла над армией. Каппель это отлично понимал, но против природы был бессилен и он. Противник был в одном, двух переходах, противник сильный, озлобленный, беспощадный. В какой-то грязной, холодной халупе, из за стен которой доносились голоса и шум его армии, сидел Каппель и мысли одна другой тяжелее жгли мозг. Выхода не было и оставалось одно — честно погибнуть с этими подчиненными ему людьми.

— «Погибнуть? Даже лучше — тогда хоть отдых будет», проползла усталая мысль, успокаивая, убаюки-

вая. Но сразу за ней другая, острая, как нож, обожгла мозг — «А дело? А люди? А борьба? А Россия? Гибель — самый простой выход — гибель — трусость. Погибнуть — просто, но нельзя погибнуть. Ищи выхода, борись...»

И до утра, то в холодной халупе, то на берегу Иртыша сжигал себя Каппель в бесплодных поисках выхода. Вот что пишет полк. Вырыпаев, участник этих страшных часов:

«Начало темнеть. Западный берег Иртыша был занят десятками тысяч повозок, сгрудившихся на берегу непроходимой мощной реки, по которой густо шли угловатые льдины. Каппель указал на бесчисленные обозные повозки, сражавшихся с врагом наших частей; вокруг этих повозок сновали плохо одетые люди, разводившие костры. Каппель тихо сказал: «Если река не замерзнет — часы этих повозок сочтены. Фронт совсем недалеко, а враг насаждает. Переправы другой нет». Но Провидение сжалилось над несчастными — мороз к ночи усилился. Идущие по реке льдины остановились и стали соединяться между собой, сначала тонкой, как паутина, корочкой льда, которая все росла. Кто-то догадался из пробитой проруби плескать на лед водой и она тотчас же замерзала толстой корой. Через какие-нибудь два-три часа от плескания воды на льду образовалась толстая корка, сначала выдерживавшая тяжесть человека, а к утру по сделанным тропинкам осторожно стали проходить упряжки».

Если принять во внимание, что к Иртышу были прижаты не только обозы 3-ей армии, но и все ее строевые части, то станет ясным, что гибель грозила всей армии в целом вместе с ее командующим. Профессор Гинс об этом страшном моменте пишет: «Совершилось нечто непредвиденное. Взоры всех с тревогой впились в сторону Иртыша. Он не замерзал. Падая мокрый снег, стояла распутица, зима упорно не приходила. Незамерзшая, непроходимая река на пути отступающей армии — это грозило такой катастрофой, о которой язык отказывался говорить».

Участь Омска, несмотря на уверения нового Главнокомандующего, была решена и ген. Сахаров сам пред-

ложил Адмиралу Колчаку покинуть Омск. Этим была решена и участь самого ген. Сахарова — оставить его на посту Главнокомандующего Адмирал уже не мог.

Когда части 3-ей армии переправились через Иртыш, перешел туда и штаб. Каппеля. Медленно, шагом, с адъютантом поручиком Бржезовским и полковником Вырыпаевым, ехал Каппель по улицам умирающего Омска. Какие-то воинские части, всех родов оружия, мечущееся по улицам население, сани, лошади — все смешалось в один нелепый клубок. Какая-то женщина с растрепанными волосами, в одном платье, увидев Каппеля кричала диким голосом — «Генерал, помогите — последнюю лошадь забрали». В другом месте, по всей видимости, интеллигентный человек, в шубе с каракулевым воротником и в очках, со злобой крикнул вслед — «Генерал... Догенералились». Дальше какой-то мастеровой юркнул в калитку и отчаянный разбойный свист прорезал воздух. Бледный от бессонных ночей, с застывшим лицом, почерневшими глазами, Каппель судорожно сжимал поводья. «Догенералились»... мелькнул в уме недавний крик. Но в эти минуты в выгоревшей душе не нашлось ответа. Тупые, непонимающие, бредящие карьерой, не почерпнувшие ничего в страшные дни революции для борьбы с ней, люди сами подготовили поражение и гибель. Мелькнул в памяти безумный приказ Сахарова о защите Омска. Каппель отмахнулся внутренне — таких приказов было много и без Сахарова. Чуть не на всех заборах Омска виднелись раскленные огромные приказы Сахарова о том, что город превращен в неприступную крепость, взять которую врагам не удастся. Прочитав этот приказ, Каппель чуть пожал плечами.

На станцию Омск направлял Каппель коня, чтобы связаться с тылом. Чтобы не прибавить горечи, которой и так было много в душе, он старался не смотреть на отступающие части. «А ведь могло быть совершенно иначе», прошептала мысль и он снова отмахнулся — «О чем говорить?». Он уже подъезжал к вокзалу. «Генерала Каппеля... Генерала Каппеля... К телефону. Тре-

бует Верховный Правитель», донесся до его слуха громкий крик железнодорожного телеграфиста со ступенек вокзала.

Быстро спрыгнув с коня, Каппель бросился с полковником Вырыпаевым в телеграфную комнату. Гудел прямой провод Омск—Татарская и в словах летящих по нему, словах двух смертников, окончательно решилась судьба Каппеля. Ясны и определены были слова Адмирала о том, что он хочет видеть Каппеля на посту Главнокомандующего взамен ген. Сахарова. Каппель вдруг почувствовал физически как непереносимая тяжесть легла на плечи. «Сумею ли? Хватит ли сил? Людей нужно спасти, а хватит ли на это умения и знаний? Это не Волга, не Казань...»

И искренне и просто ответил: «Ваше Высокопревосходительство. есть много командиров старше и опытнее меня. Я неподготовлен к такой большой и ответственной роли. Ваше Высокопревосходительство, почему вы мне это предлагаете?»

Секунду телефон молчал, а потом тихий голос Адмирала донесся до Каппеля:

— «Потому что только вам, Владимир Оскарович, можно верить».

Но эта фраза еще более усилила колебание генерала. «Можно верить... А если не оправдаю доверия?» И еще пытаясь отказаться, сознательно уменьшая свои военные дарования, медленно сказал в трубку, что кавалерийский полк он принял бы, но армию... «Ну, а если вы получите приказ?» прервал его уже ставший резким голос Адмирала. «Приказ я должен буду выполнить», ответил Каппель — последняя страница его жизни с тихим шелестом открылась.

Через час Верховный Правитель прислал приказ о назначении генерала Каппеля Главнокомандующим.

Принять все дела от ген. Сахарова Каппель не мог, так как эшелон штаба фронта и сам ген. Сахаров находились уже на станции Тайга. Оставляя Омск, ген. Сахаров назначил своим заместителем Каппеля. Но в этом приказе не было указано какие части и в каком направлении находятся, и какие склады и с чем именно находятся в Омске. Отходивший в арьергарде Каппель, у

которого был на учете каждый час, так как противник был в непосредственной близости, не мог тратить время на разыскивание этих складов. Да и приказ штаба фронта требовал скорейшего оставления Омска. Отмененная генералом Сахаровым эвакуация доставила противнику огромное военное имущество. Не сдав своего поста Каппелю, генерал Сахаров разослал приказ, в котором подробно разработал план, как под Ново-Николаевском будут разбиты красные партизаны, но какими частями будет проведена эта операция указано не было. Двигаясь на восток, штаб 3-ей армии и Каппель никак не могли догнать эшелон штаба фронта, так как пути были забиты до предела. Приказ о назначении ген. Каппеля главнокомандующим ген. Сахаров имел, и было бы вполне естественным задержать свой эшелон для сдачи дел, но почему-то это сделано не было и, когда Каппель прибыл на ст. Ново-Николаевск, то там ни поезда Верховного Правителя ни эшелона штаба фронта уже не было. Нужно сказать, что накануне Каппель получил от Верховного Правителя телеграмму о желании личного свидания на ст. Ново-Николаевск. Но здесь ждала его другая телеграмма такого же содержания с назначением встречи на ст. Тайга. Только к вечеру вагону ген. Каппеля удалось выбраться из Ново-Николаевска, но прибыв утром на ст. Тайга, он узнал, что поезд Адмирала отбыл дальше на ст. Судженка, в 37 верстах от Тайги. Тут, на ст. Тайга, от которой отходит ветка на Томск, Каппель снова столкнулся с уродливой и зловещей гримасой гражданской войны. Эшелон ген. Сахарова, который, наконец, догнал Каппель, был оцеплен частями первой армии и по приказу ее командующего, ген. Пепеляева, вход и выход из вагонов эшелона был запрещен. Старый главнокомандующий, по приказу Пепеляева, был арестован. Даже в истории гражданской войны, где возможны всякие, часто недопустимые положения, такого антидисциплинарного случая не бывало. Уставший, с измотанными нервами, тяжело переживая создавшееся положение, Каппель сразу осознал недопустимость и преступность такого акта. Кавалер двух офицерских Георгиев, лично безумно храбрый, любимый своими частями, 28-летний ген. Пепеляев был, по выражению Верховно-

го Правителя, «революционным генералом». В свое время он одерживал блестящие победы на Урале, его имя знал каждый сибиряк, но явная молодость, неуравновешенность, неумение бороться с первым впечатлением и анализировать события и собственные поступки во время отступления, толкали его на ошибочные, ложные шаги. После же того, как его брат В. Н. Пепеляев стал председателем совета министров, голова у молодого генерала закружилась еще больше.

Весь внутренне трясаясь от негодования, но с совершенно спокойным лицом, холодным и официальным, Каппель направился в вагон Пепеляева. Оба брата Пепеляева о чем-то горячо и взволнованно говорили, когда Каппель вошел в их вагон. Ген. Пепеляев сидел за столом с расстегнутым воротником и без пояса. Молча, не говоря ни слова, Каппель всегда подтянутый и строгий к себе и своей внешности, стоя у дверей, впился глазами в Пепеляева. Так как приказ о назначении Каппеля Главнокомандующим был объявлен во всех частях, то знал его и Пепеляев, только что арестовавший старого главнокомандующего «революционный генерал», человек момента, признававший законы дисциплины постольку поскольку. Каппель был один, у Пепеляева были свои части. Но увидя страшные глаза Каппеля, обессиленный той волей, что горела в них, Пепеляев одел пояс, молча застегнул воротник, встал из за стола и во время пребывания Каппеля в вагоне не проронил ни слова. Диалог между Каппелем и министром Пепеляевым был короток и его так передает полковник Вырыпаев.

Поздоровавшись с министром, Каппель задал ему вопрос: «По чьему приказу арестован главнокомандующий фронтом?»

Министр Пепеляев довольно возбужденно начал объяснять Каппелю:

— «Вся Сибирь возмущена таким вопиющим преступлением, как сдача в таком виде Омска, кошмарная эвакуация и все ужасы, творящиеся на линии железной дороги повсюду. Чтобы успокоить общественное мнение мы решили арестовать виновника и увезти его в Томск (где стоял штаб 1-ой армии) для предания суду».

Генерал Каппель, взволнованный, не дал ему закон-

чить и резко прервал его: — «Вы, — подчиненные, арестовали своего главнокомандующего? Вы даете пример войскам и они завтра же могут арестовать и вас. У нас есть Верховный Правитель и генерала Сахарова можно арестовать только по его приказу. Вы меня поняли?» Резко повернувшись, не ожидая ответа, Каппель вышел из вагона.

Морально разбитый всем происходящим, Каппель ушел в свой вагон. Что будет дальше он просто не знал. Вызвать какие-то части третьей армии и силой принудить ген. Пепеляева понять, что такое дисциплина, он не мог технически, а кроме того заводить новые распри не позволяли ни душа ни ум. С другой стороны, горячий и экспансивный Пепеляев мог арестовать и его самого. Каппель в полном изнеможении закрыл глаза. Стук в дверь привел его в себя. «Ваше Превосходительство, генерал Пепеляев просит вас принять его», доложил ординарец. «Проси», коротко бросил Каппель, вставая с холодным и строгим лицом. Порывистый, быстрый, молодой и красивый Пепеляев вошел в купе Каппеля.

Полк. Вырыпаев об этой встрече пишет так: «Потом Каппель мне рассказал, что пришедший и сильно взволнованный ген. Пепеляев заявил: «Арестовать главнокомандующего можно действительно только по приказу Верховного Правителя, и мы просим вас помочь нам достать этот приказ». Ген. Пепеляев радостно приветствовал Каппеля и все повторял: «Владимир Оскарович, только на нас одного теперь вся надежда». Оцепление с эшелона ген. Сахарова было снято, но после свидания Каппеля с Адмиралом, о чем будет сказано ниже, Верховный Правитель теперь уже Каппелю отдал приказ доставить ген. Сахарова в Иркутск, где военная комиссия с ген. Бутурлиным должна была вести следствие и разбор всей деятельности ген. Сахарова на посту главнокомандующего.

Стремясь как можно скорее выполнить приказ Адмирала о личной встрече, Каппель, не приняв дел от ген. Сахарова, поздно ночью двинулся на Судженку.

Сквозь замерзшее окно вагона мелькали паровозные искры, вагон качался и скрипел, колебалось пламя свечи на столе. Каппель не снимая шубы, только расстегнув

ее, сидел на скамейке. Мысли плели затейливый, мудреный узор. Было ясно, что Адмирал спросит его прежде всего о планах на будущее — это был вопрос тяжелый и страшный. Вчерне ответ у Каппеля был готов, и его так передает полк. Вырыпаев, с которым Каппель делился своими мыслями:

«Каппеля особенно раздражали солидные начальники, применявшие старинные методы, как будто это была не гражданская война, а старое доброе время со штабами, казначействами, интендантствами и т. д. Каппель говорил мне: «Правда, многие из них посвятили когда то свою жизнь служению Родине и даже в свое время были на месте, принося много пользы. Но теперь гражданская война и кто ее не понимает, того учить некогда. Нужно дать возможность работать в деле освобождения родины не тем, кто по каким-то привилегиям или за выслугу лет имеет право занимать тот или иной пост, а тем, кто может, понимает и знает, что нужно делать». «Большинство из нас, будучи незнакомы с политической жизнью государства, попали впросак. И многим очень трудно в этом разобраться. Революция — это мощный, неуправляемый поток и пытаться остановить его — сплошное безумие. Нужно знать, что этот поток снесет все преграды на своем пути. Но дать этому потоку желательное направление было бы не так трудно. Мы этого не хотели понять». Далее Каппель привел такой пример: «Мы имеем дело с тяжело больной. И вместо того, чтобы ее лечить, мы заботимся о цвете ее наряда. Теперь учить, что можно и как нужно того, кто не понимает главного — поздно». Каппель имел в виду большие переформирования в армии, но для этого нужен был какой-то рубеж для остановки отхода. Помню его слова: — «Было бы очень желательно, чтобы таким рубежом, где можно спокойно заняться переформированием, было наше Забайкалье».

Паровоз остановился на каком-то полустанке. Каппель вышел на платформу. Ночное небо горело яркими зимними звездами, мороз щипал щеки. Медленно от паровоза к вагону, от вагона к паровозу ходил Каппель. Почему-то вспомнилась первая встреча с Адмиралом в Омске, и чувство глубокой жалости и преданности к

внесенному капризом истории на недостижимую высоту Колчаку охватило душу генерала. Должно быть это было толчком — в усталой душе пробудились вновь нестигаемая воля и неумемная энергия, и вскакивая на ступеньку уже тронувшегося вагона, он был снова тем Каппелем, который не знал поражений.

В морозном тумане, утром 3-го декабря, покрытый инеем вагон Каппеля остановился на ст. Судженка. Почему-то на станции было тихо — на запасных путях стояли два-три эшелона, но ни шума, ни беготни, столь обычных на встреченных станциях, здесь не было. Сквозь морозную мглу было видно, что около одного эшелона прохаживается несколько офицеров. Каппель и Вырыпаев направились к ним, чтобы узнать где стоит поезд Адмирала. Когда они подходили к этой группе, то до них донесся чей-то голос: «Скажите, а скоро приедет генерал Каппель?» Каппель вздрогнул — он узнал голос Верховного Правителя. Ускорив шаг, он подошел к Адмиралу и приложил руку к головному убору: «Ваше Высочайшее превосходительство, генерал Каппель по вашему приказанию прибыл». Колчак протянул к нему обе руки — «Слава Богу, наконец», и, видя только одного Каппеля, спросил: «А где ваш конвой, Владимир Оскарович?» И спокойно и уверенно прозвучал ответ: «Я считаю лишним иметь конвой в тылу армии и загромождать этим путь и так забитой железной дороги».

Адмирал несколько минут молчал. — «Да, как вы непохожи на других», тихо сказал он. Он внимательно смотрел на Каппеля, но, как и в Омске, видел открытые серые глаза и спокойное лицо, отражавшее волю и ум.

«Пойдемте в вагон», быстро бросил он и, обращаясь к кому-то из своих спутников, добавил: «Сейчас я никого не принимаю». Каппель поднялся вслед за Адмиралом в вагон.

Три часа продолжался разговор между двумя людьми, к которым уже вплотную подошла смерть. Естественно, что разговор шел, главным образом, о военных вопросах, но надо предполагать, что часто он переходил и на темы личного характера. Потерявший веру почти во всех своих помощников и в союзников, Адмирал, как и первый раз в Омске, под обаянием сво-

его нового Главнокомандующего, наверное, не раз открывал ему свою измученную душу. Вырыпаев ждал Каппеля около вагона. Было очень холодно; после недавнего тифа он чувствовал слабость, у него кружилась голова, но идти, по приглашению спутников Адмирала, к ним в вагон он отказался, ожидая выхода Каппеля на платформу. Наконец дверь открылась и Каппель спустился на перрон. В одном френче, с белым крестом на шее, провожавший его Колчак не спускал с него глаз. Приложив руку к головному убору, Каппель стоял у вагона и его взгляд скрестился со взглядом Колчака. Адмирал спустился на одну ступеньку и протянул Каппелю руку.

«Владимир Оскарович», сказал он тихо и на секунду замолк, а потом, отдавая Каппелю последнюю веру в человека, добавил те же слова, что вчера сказал Пепеляев: «Только на вас вся надежда».

Неразговорчив был Каппель, возвращаясь после своего свидания с Адмиралом обратно на станцию Тайга. Видимо, это свидание было настолько драматично и слова, которые там говорились, были так значительны и тяжелы, что даже с Вырыпаевым он почти ничего не говорил. С раздражением он показал Вырыпаеву приказ, подписанный Адмиралом, об аресте Сахарова.

«Все, не так, все не то», мрачно произнес он. Отрывистыми фразами он сказал, что советовал Адмиралу быть ближе к армии, быть с армией, но тот ответил, что находится под защитой союзных флагов. «Союзники», горько протянул Каппель и снова замолк. Потом, немного погодя, добавил, что Верховный Правитель предлагал ему взять несколько ящиков золота из стоявшего в Судженке эшелона с золотым запасом. Каппель отказался, говоря, что золото его только стеснит и потребует особой охраны. Но все это были только мелкие кусочки из трехчасового разговора. Больше Каппель ничего не передал Вырыпаеву. Он слишком был предан Адмиралу, слишком высоко ставил его, чтобы передавать кому бы то ни было его слова, личного, интимного характера.

Не говорил он также и о разбиравшихся в вагоне Колчага военных вопросах.

Вдали замаячили огни Тайги и поезд, скрипя, остановился. И Каппель и Вырыпаев, ничего не евшие со вчерашнего дня, были голодны. Вестовой ген. Каппеля, оставшийся на ст. Тайга, вскочил в купе.

— «Ваше Превосходительство — гусь, жареный гусь», быстро и радостно проговорил он.

— «Ты пьян? С ума сошел? Какой гусь?», взорвался Каппель.

— «Ваше Превосходительство, у одной бабы гусь жареный есть — я его до вашего приезда задержал — сто рублей просит».

Каппель понял и сконфуженно полез в карман — там была какая-то мелочь. «Василий Осипович, у тебя деньги есть?» Василий Осипович тоже вытащил какую-то мелочь, но в общей сложности ста рублей не набралось. Главнокомандующий был вынужден отказаться от гуся и остаться голодным. Это может показаться нелепым и странным, но полк. Вырыпаев объясняет это и пишет так:

«Мне, изрядно изнуренному тифом и еще не вполне оправившемуся, Каппель не мог поручить строевую должность. Он поручил мне заняться его личной перепиской, так как частных писем накопилась гора. Большею частью это были письма о помощи от жен и родственников, потерявших связь с ушедшими в Белой Армии бойцами. И многим Каппель оказывал помощь из личных средств — получаемого им жалованья, которое он расходовал до копейки, никому не отказывая. Среди писем, я нашел письмо от его семьи, уехавшей в Иркутск. Она была зачислена на военный паек, получаемый в небольших размерах и переносила настоящую нужду. Писала мать жены генерала, которая присматривала за внучатами. Письмо было от 2-3-го ноября. Я составил телеграмму командующему Иркутским военным округом сделать распоряжение о выдаче семье ген. Каппеля десяти тысяч рублей и подал Каппелю на подпись. Он пришел в ужас и никак не хотел согласиться на такую большую сумму, не видя возможности в скором времени вернуть ее обратно. Пришлось уменьшить на половину и только тогда Каппель дал неохотно свою подпись. И это было при условии, что сибирские деньги были очень обесценены и простой гусь стоил сто рублей».

ЧАСТЬ 3-я

После возвращения в Тайгу, Каппелю снова пришлось столкнуться с ген. Пепеляевым и его братом. Несмотря на привезенный им приказ Адмирала Колчак об отправке ген. Сахарова в Иркутск для производства следствия, Пепеляевы все же решили отвезти Сахарова в Томск для предания его там суду. Каппель понимал, что живым оттуда ген. Сахаров не вернется, а, главное, такой поступок ген. Пепеляева был глубоко антидисциплинарным, нарушением приказа Верховной Власти. Как говорилось выше, Каппель на ст. Тайга был в расположении 1-ой армии и ничем, кроме своего авторитета, помешать этому акту не мог. Буйный ген. Пепеляев мог поступить так, как подскажет ему в данный момент его настроение. Но тут буйство младшего брата и озлобленность старшего столкнулись с большой человеческой волей Главнокомандующего. Холодно и официально, не спуская глаз с министра, Каппель произнес две-три коротких фразы:

— «Ген. Сахаров будет отправлен в Иркутск, согласно приказа Верховного Правителя. Я, как главнокомандующий, приказываю немедленно отменить распоряже-

ние об отправке ген. Сахарова в Томск. Я приказываю», возвысил он голос. С бесстрастным, холодным лицом он поймал наконец взгляд глаз министра из под пенсне, кажущихся расплывчатыми и неясными. И когда это произошло, министр немного съезжился — его волю парализовали страшные глаза Каппеля. Ген. Пепеляев, сидевший за столом, опять встал и вытянулся...

— «Вы поняли, господа, мой приказ?» совсем тихо уронил Каппель. И буйный «революционный» ген. Пепеляев, сломленный и покоренный огромной внутренней силой Каппеля, четко и ясно ответил:

— «Так точно, Ваше Превосходительство», а министр сбивчиво и нечленораздельно пробормотал: «Ну да... конечно... приказ... нужно исполнить».

Приняв, после возвращения со ст. Судженка, дела штаба фронта от ген. Сахарова, Каппель включил свой эшелон в общую ленту эшелонов, и стал медленно двигаться на восток.

Но при этом он часто задерживал свой поезд, чтобы поддержать живую связь с армией и находиться в непосредственной близости фронта. Каждый день, а иногда не один раз, Главнокомандующий, то в автомобиле, а чаще верхом, оставив поезд, отправлялся к передовой линии фронта. В той путанице частей и обстоятельств, которые сопровождают отступление, он один знал все мелочи текущего дня, часто исправляя положение, казавшееся безнадежным. Основная мысль вывести армию за рубеж, который даст возможность отдохнуть и переформироваться, владела им. Но для этого нужно было прежде всего ввести порядок в отступавшие части, научить командиров этих частей понятию дисциплины, выработать порядок движения, по возможности сменяя арьергардные части, искоренить своеволия в отношении населения, снабжать из встречных на пути интендантских складов бойцов, думать одвигающихся с армией семьях, вдохнуть дух бодрости, чтобы отступление не обратилось в бегство, строго следить за офицерским корпусом и все это и многое другое проводить с учетом небывалых трудностей и мертвого мороза сибирской зимы. По ночам, сидя в вагоне, Каппель уходил глазами в карту. Тысячи верст лежали между ним и Забайкальем,

о котором он думал сначала. Но синей лентой вился по карте Енисей, черной точкой отмечен на нем Красноярск.

Там, по имеющимся сведениям, большой, свежий гарнизон во главе со старым боевым генералом Зиневичем. И при дрожащем пламени свечи рождался новый план спасительного рубежа на Енисее. Но и дотуда еще сотни верст — их нужно пройти, и пройти так, чтобы к моменту подхода к Красноярску армия была скована в мощную силу. Поэтому-то и нет ни дней, ни ночей, а одна бескрайняя работа, когда нужно быть всюду и везде, все знать, все учитывать, все видеть.

В тот день, о котором будет речь, Каппель из эшелона штаба фронта выехал на участок Степной группы. Мороз в этот день был особенно жесток и скоро воротник шубы Главнокомандующего, его усы и борода покрылись белым налетом инея. Приехав в расположение Степной группы, Каппель приказал шоферу везти его в штаб. Но сколько тот не расспрашивал встречающих офицеров и солдат о местонахождении штаба, никто указать дорогу не мог. Ледяной ветер рвал георгиевский флажок на радиаторе машины, время шло, но где находится штаб группы так никто и не мог указать. Наконец какой-то полковник, вытянувшись, как мог, перед Главнокомандующим, доложил ему, что штаба группы здесь нет, а находится, он как всегда, примерно в восьмидесяти или ста верстах от фронта и оттуда присылаются распоряжения и приказы. Начальником Степной группы был, недавно всесильный начальник Ставки Адмирала, ген. Лебедев.

— «Обратно в штаб», резко бросил Каппель шоферу. До предела раздраженный он тотчас же послал ген. Лебедеву телеграмму с приказанием немедленно явиться в штаб фронта для дачи объяснений. Прошел день, другой и на третий ординарец доложил Каппелю, что с востока движется какая-то воинская часть. К штабу фронта ехал, в сопровождении конвоя равного по тем временам целому полку, ген. Лебедев. Каппель побледнел.

Дверь открылась и в вагон вошел ген. Лебедев.

— «Владимир Оскарович, вы меня вызывали. Здравствуйте», начал он. Бешеный удар кулака по столу прер-

вал его. Почти шопотом, страшный в своем гневе, Каппель обратился к нему: «Генерал Лебедев, вас вызывал не Владимир Оскарович, а Главнокомандующий». Не привыкший к такому обращению ген. Лебедев вытянулся и отрапортовал: «Ваше Высокопревосходительство, генерал Лебедев по вашему приказанию прибыл». Со все возрастающим гневом, стоя сам и не приглашая сесть Лебедева, Каппель бросал ему фразы, годные для обвинительного акта в военно-полевом суде: «Прибыли? Откуда? Из своей группы? Или находясь от нее за сто верст? Прибыли? Приказ был послан три дня назад, явились вы сегодня. Вы знаете положение вашей группы? Вы знаете, в чем нуждаются ваши офицеры и солдаты?» Почти задохнувшись от бешенства, Каппель бросил страшные слова: «Вы знаете, где сейчас ваша группа? Почему вы не делите с ней ее боевую страду? Я, Главнокомандующий, каждый день провожу на передовой линии, а вы? Или управлять вверенной вам частью легче, находясь от нее за сто верст?»

Каппель на момент замолк, а потом, впившись глазами в Лебедева, сам белый, как полотно, добавил оскорбительные слова: «А может быть безопаснее?»

Вся кровь бросилась в лицо Лебедеву и он сделал шаг вперед. «Ваше Высокопревосходительство», начал он и смолк — его взгляд встретился с взглядом Каппеля. Не отрывая глаз, Каппель смотрел на него и Лебедев, покоренный силой страшных глаз, стал скованный и обессиленный. Как сквозь сон донеслись до него слова — «Генерал Лебедев, приказываю вам немедленно со своим конвоем отправиться к своей группе. Конвой включить в число бойцов частей. Оставлять группу, без моего особого разрешения, категорически запрещаю. О прибытии в группу немедленно мне донести. Время военное и ответственность за неисполнение боевого приказа вам известна. Вспомните генерала Гривина. Можете идти».

И, как загипнотизированный, Лебедев повернулся, вышел из вагона и через минуту, вместе со своим конвоем, двинулся на запад к своей группе.

С минуту после ухода Лебедева Каппель продолжал стоять, а потом, опустившись на ступ, сжал голову рука-

ми. Полк. Вырыпаев, бывший при всей этой сцене, увидел как у Главнокомандующего задрожали плечи. Он бросился за водой. «Не надо. Оставь», сквозь сжатые зубы пробормотал тот. А потом, откинувшись на спинку стула, добавил: «Стыдно. Пойми, Василий Осипович, за него стыдно. И за себя стыдно, что не сумел это предупредить, не доглядел. А, может быть, сам слабым, недостаточным примером служу».

Полк. Вырыпаев пишет, что он видел Каппеля в таком возбужденном состоянии всего два раза. Это был первый раз, о втором рассказется ниже.

А время шло, сжигая минуты, часы и дни, и судьба уже отмечала последний час его.

Медленно двигаясь на восток, эшелон штаба фронта прибыл на станцию Мариинск, которая находится в трех верстах от одноименного города. Согласно полученным сведениям, Каппель узнал, что гражданская власть эвакуировалась из города и теперь всем районом Мариинска управляет вновь сформированное представительство от земства, довольно левого уклона. Разведка донесла, что в пять часов вечера новые правители устраивают собрание. В пять часов вечера, когда уже темнело, от эшелона штаба фронта вылетела запряженная парой лошадей кошовка. В ней сидели два человека Каппель и Вырыпаев. По пустым, вымершим улицам Мариинска неслась пара. Каппель молчал. Он знал, что в городе имеются большие склады военного имущества, которые находятся сейчас в руках, если не коммунистов, то, во всяком случае, людей, склонных к какой-то кооперации с ними. Взять силой эти склады не стоило никакого труда, так как у земцев никакой реальной силы не было, но, следуя своему постоянному правилу, Каппель на этот шаг не пошел. Так же, как в Аша Балашовском заводе, он решил доказать земцам, что имущество складов принадлежит и жизненно нужно армии, и заставить их официально передать ему эти склады. А главным мотивом служило нежелание еще больше озлоблять население против Власти Адмирала. Каппель знал о левом направлении земцев и о том, что от них можно ожидать все, что угодно. Поэтому он и молчал угрюмо во время пути. Но знал он, что достаточно ска-

зять ему этим земцам хоть несколько слов и они, подчинившись его обаянию, сделают все, что он им скажет. Конечно, мог быть роковым первый момент его появления, но чувство страха было им забыто с детских лет.

К небольшому каменному дому подлетела кошовка, и Каппель с Вырыпаевым, поднявшись на крыльцо, быстро вошли в дом. В зале, за столом, сидело человек пятнадцать. Они удивленно глядели на вошедших незнакомых им военных. И тут опять повторилась картина, как на шахте № 2.

«Я генерал Каппель», подойдя к столу, произнес один из военных. Большинство земцев, вскочив, бросилось к дверям. Кое-как их удалось задержать. Каппель сел, закурил папиросу, а потом стал спокойно говорить. Он прежде всего поблагодарил земцев за то, что, взяв власть, они поддерживают порядок в городе. Земцы удивленно переглянулись — они ждали не этого. Далее, он объяснил, что сейчас подходит армия и понятно, что управление переходит к военным властям. Он рассказал в каком состоянии двигаются отходящие части, как в сибирские морозы они идут часто в старых шинелях, голодные, полуживые, везя с собой сотни тифозных и раненых. Он говорил просто и ясно, без громких фраз, но в тоне его голоса чувствовалась такая боль за этих людей, что в зале была мертвая тишина. Но он не просил и не требовал. — «Вы русские и те, кто в Армии, тоже русские — а дальше думайте сами», закончил он и, попрощавшись, уехал в штаб фронта.

А на другое утро земцы, еще вчера ожидавшие красных, явились к Каппелю с хлебом-солью и списком всего военного имущества, находящегося на складах, для передачи его армии. И пока штаб фронта стоял в Мариинске, все проходившие части были снабжены продуктами и теплой одеждой, в чем так они нуждались.

Все в больший порядок приходили части отходящей Армии. Беспорядок, отсутствие единоначалия, бунты некоторых, правда, немногочисленных частей, отсутствие общего плана, потеря связи со штабом фронта — результат трагического оставления Омска и главнокомандования ген. Сахарова, твердо и определенно изживались. Занятый чуть не круглые сутки работой по приве-

дению армии в надлежащий вид, Каппель одновременно разрабатывал план дальнейшей борьбы после того, как удастся задержаться на каком-то рубеже. На отдельных листках заносились мысли, предположения, планы, фамилии. Глаза Главнокомандующего внимательно исследовали каждый дюйм карты и все чаще останавливались на Красноярске, где Енисей мог быть необходимой естественной преградой. Кроме того, в Красноярске стояла егерская бригада ген. Жеймо, в которой было много надежной молодежи, юнкеров и окончивших Екатеринбургскую военно-инструкторскую школу. Но и дотуда было немало верст. «Там видно будет», подумал устало Каппель, откидываясь на стул.

Армия отходила вдоль линии железной дороги и штаб фронта, эшелон Главнокомандующего, двигаясь медленно и задерживаясь чуть не на каждом полустанке, не выходил из сферы движения войск, поддерживая с ними постоянную связь и руководя ими. Посещая попеременно все части, Каппель знал положение не по донесениям начальников частей, а видя все собственными глазами. Так медленно двигаясь на восток, штаб фронта прибыл в следующий за Мариинском город Ачинск.

Здесь, по невыясненным причинам произошел страшный взрыв, о котором полк. Вырыпаев пишет так:

«Эшелон фронта стоял на восток от центра. Немного сзади его середины, с левой стороны, стояли три цистерны с бензином. Через несколько путей к северу от цистерн, в самом центре стоявших эшелонов стояли два вагона с черным порохом, ранее предназначенным для камчатских охотников. Цистерны стояли от нас, примерно, на расстоянии 20 вагонов. Я шифровал телеграмму на небольшом столе около окна. К Главнокомандующему приходили с очередными докладами начальники проходящих воинских частей и чины штаба. Был обычный для того времени день штаба. Но в 12 часов дня или позднее я услышал короткий гул, а затем один за другим два громовых раската, отчего толстые стекла салон-вагона, разбитые в осколки, влетели внутрь вместе с рамами. Я силой влетевшего от взрыва воздуха был буквально втиснут лицом в стол. Первое, что я услышал сквозь грохот и лязг летевших обломков, был спокой-

ный голос Каппеля: — «Василий Осипович, ты жив? Дай мою винтовку». Я взял винтовку и, перешагивая через лежавшие на полу обломки окон, передал ее Каппелю, который уже выходил из вагона. Спустившись с высоких ступенек вагона, мы увидели как сверху, с большой высоты, летели тяжелые двери теплушек и обломки вагонов. Нам пришлось плотно прижаться к стенке нашего вагона, чтобы не быть раздавленными. Двери товарных вагонов, падая углом на промерзшую землю, взрыхляли ее на аршин и более. Жар от ревущего пламени, устремлявшегося на несколько саженей к небу, заставил нас вернуться к задней части нашего эшелона и обернуться туда, где справа и слева были нагромождены в несколько рядов горящие вагоны, набитые корчившимися от огня еще живыми людьми — тифозными и ранеными. От горевших вагонов загорелись и другие, уцелевшие от взрыва. Конвой штаба, состоявший из 70 человек, почти целиком погиб. Из всего нашего состава уцелело всего 17 вагонов. Генерал Каппель сразу же дал распоряжение железнодорожникам отцепить уцелевшие от огня составы и вывести их из сферы всепожирающего пламени. Был ли этот взрыв работой большевиков или произошел по чьей-нибудь собственной небрежности — неизвестно, но он внес расстройство в только что налаживавшуюся работу и лег еще лишним грузом на плечи Каппеля. И, усугубляя эту тяжесть, в штаб фронта стали поступать с линии железной дороги телеграммы о бесчинствах и самоуправстве чехов. Как хозяева распоряжались они, отбирая паровозы у эшелонов с ранеными, а иногда и просто выбрасывая из вагонов этих раненых и эвакуировавшихся женщин и детей. Украшенные зелеными еловыми ветками их поезда вывозили не только чешские воинские части и военное имущество — в вагонах можно было видеть все, до пианино и мягкой мебели включительно — все, что удавалось достать предприимчивым «братьям» во встречающихся городах и станциях. А в эшелонах без паровозов или на снегу гибли тысячи русских раненых, женщин и детей. Описать эту страшную картину смогли бы классики русской литературы, как Л. Толстой, Тургенев или Гончаров, но мне лично пришлось видеть на каком-то полустанке три ва-

гона-платформы, загруженных высоко трупами замерзших людей, сложенных как штабеля дров. Эти штабеля были связаны веревками, чтобы не развалились, и среди защитных форм погибших мелькали и женские платья и тела детей. А дальше нам приходилось также замечать около линии железной дороги и какие-то большие мешки, чем-то заполненные. В мешках мы находили замерзших русских женщин в легких платьях. Это были те русские женщины, которые связали свою судьбу с кем либо из чехов и которым они надоели. Несчастливая женщина заталкивалась в мешок, завязывалась веревкой и выбрасывалась из вагона на снег. Всего не описать, но те из нас, кто видел это, не забудут никогда».

Используя все возможности, Каппель слал бесчисленные телеграммы чешским командирам, лично сам ездил к некоторым из них, но ничего не помогало. Бороться же с чехами военными мерами у него не хватало сил. Теперь, кроме чисто военных вопросов, над ним навис и этот, и он не знал, который важнее. Сколько было возможности, он помогал этим жертвам «братьев» чехов, но это была капля в море, так как железная дорога была фактически в их руках. И, наконец, как предел всего, телеграфист штаба фронта принял телеграмму Верховного Правительства из Нижнеудинска, в которой говорилось, что чехи силой забрали два паровоза из эшелонов Адмирала и который просил, чтобы Каппель повлиял на чехов, заставил их прекратить эти бесчинства. Телеграмма пришла в двенадцатом часу ночи. Всю ночь метался Каппель, отыскивая выход. За чехами стояли французы, англичане, американцы, хоть и немногочисленные но представлявшие союзников. Были канадцы, румыны — кого только не было, и всеми ими командовал французский генерал Жанен, не скрывавший своей антипатии к Адмиралу, после того, как тот отказался отдать под охрану союзников золотой запас. Всякое выступление против чехов с оружием еще более ухудшило бы положение Адмирала, а Армию поставило бы в безвыходное положение — с востока появился бы чешский фронт, а с запада шли красные. Ночь шла медленно и тяжело, и к утру Каппель понял, что у него остался один выход — пожертвовать собой, чтобы

спасти Адмирала. И придя к этому выводу, уже совсем спокойно написал телеграмму и приказал передать по указанным адресам. Телеграмма гласила следующее:

«Генералу Сыровому, копия Верховному Правителю, Предс. совета министров, генералам Жанену и Ноксу, Владивосток Главнокомандующему японскими войсками ген. Оой, командирам 1-ой Сибирской 2-ой и 3-ей армии, Командующим военных округов — Иркутского ген. Артемьеву, Приамурского ген. Розанову и Забайкальского Атаману Семенову. Сейчас мною получено известие, что вашим распоряжением об остановке движения всех русских эшелонов, задержан на ст. Нижнеудинск поезд Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего всех русских армий с попыткой отобрать силой паровоз, причем у одного из его составов даже арестован начальник эшелона. Верховному Правителю и Верховному Главнокомандующему нанесен ряд оскорблений и угроз, и этим нанесено оскорбление всей Русской Армии. Ваше распоряжение о непропуске русских эшелонов есть не что иное, как игнорирование интересов Русской Армии, в силу чего она уже потеряла 120 составов с эвакуированными ранеными, больными, женами и детьми сражающихся на фронте офицеров и солдат. Русская Армия, хотя и переживает в настоящее время испытания боевых неудач, но в ее рядах много честных и благородных офицеров и солдат, никогда не поступавших своей совестью, стоя не раз перед лицом смерти от большевицких пыток. Эти люди заслуживают общего уважения и такую армию и ее представителя оскорблять нельзя. Я, как Главнокомандующий армиями восточного фронта, требую от вас немедленного извинения перед Верховным Правителем и армией за нанесенное вами оскорбление и немедленного пропуска эшелонов Верховного Правителя и Председателя совета министров по назначению, а также отмены распоряжения об остановке русских эшелонов. Я не считаю себя в праве вовлекать измученный русский народ и его армию в новое испытание, но если вы, опираясь на штыки тех чехов, с которыми мы вместе выступали и, уважая друг друга, дрались в одних рядах во имя общей цели, решились нанести оскорбление Русской армии и ее Верхов-

ному Главнокомандующему, то я, как Главнокомандующий Русской Армией, в защиту ее чести и достоинства требую от вас удовлетворения путем дуэли со мной. № 333. Главнокомандующий армиями восточного фронта, Генерального штаба Генерал-лейтенант Каппель».

Когда кто-то из чинов штаба выразил сомнение в том, что Сыровой примет вызов, Каппель взорвался — «Он офицер, он генерал — он трусом быть не может». Так рассуждал рыцарь долга и чести, не представлявший, что в Сыровом, как в офицере, этих качеств не было никогда. Прошел день, другой, третий, бесчинства чехов продолжались, но ответа от Сырового Каппель не получил, как не получил его и Атаман Семенов, заявивший, что он заменит Каппеля у барьера, если исход дуэли будет для того роковым.

Медленно, но упорно пробивалась армия вперед среди взбаламученного моря сошедшей с ума Сибири, она шла вперед — куда? Об этом никто не думал, так как знали, что за них за всех думает тот, за кем они идут, кого каждый день видят среди своих рядов. А он все пристальнее всматривался в тот квадрат карты, где синей краской отмеченный Енисей проходил около отмеченного черным кружком Красноярска. Но судьба сулила иначе — Красноярск стал той последней гранью, у которой испытывались верность, упорство, доблесть и честь. У Красноярска армии пришлось держать последний кровавый экзамен, после которого в ее рядах остались те, кто до последнего дня был верен идее борьбы с поработителями России, верен заветам Каппеля.

Уже на полпути между Ачинском и Красноярском в штаб фронта стали приходиться темные, глухие слухи о тревожных событиях в городе. И страшным ударом упало известие, что ген. Зиневич изменил и перешел на сторону красных. Молча, с застывшим лицом прочел Каппель это донесение. Встал, подошел к окну, долго стоял. Молчали чины штаба. Нависла гибель, казалось, неизбежная — сзади, не отрываясь, шли красные полчища, впереди путь был прегражден свежими войсками изменника Зиневича и партизанского отряда Щетинкина.

И невольно все глаза устремились на фигуру Главнокомандующего, стоявшего у покрытого морозными узо-

рами окна. От него одного зависело теперь все дальнейшее. Все понимали, что силы неравны — численнодвигающиеся части были сильнее, но они были измотаны до предела, части же изменников, давно стоявшие в Красноярске, были свежими и более боеспособными, а кроме того, у них была артиллерия, которой у армии фактически не было. Кроме того, было известно, что под влиянием усталости и безусловной тайной агитации большевиков, на некоторые части положиться нельзя. Летучки из Красноярска, написанные обычным красным стилем, призывали к миру, окончанию гражданской войны, мирной жизни, по которой стосковались все. В одной из летучек говорилось: «Братья, протянем друг другу руки, кончим кровопролитие, заживем мирной жизнью. Отдайте нам для справедливого народного суда проклятого тирана Колчака, приведите к нам ваших белобандитов, царских генералов, и советская власть не только забудет ваши невольные заблуждения, но и сумеет отблагодарить вас».

Каппель все стоял у окна вагона, спиной к чинам штаба. В голове огнем пролетали мысли — решение должно быть вынесено сейчас же, но для этого нужно было учесть все обстоятельства, которых было так много. Каппель стоял перед фактом страшным, почти непреодолимым, но он понимал, что этот факт нужно преодолеть. С ним шли люди, доверившие ему свои жизни и это было главное. Борьба подошла к крайней степени и в этой борьбе, которой он отдал всю жизнь, он требовал неумолимо от самого себя отыскать выход, который не дал бы торжествовать изменникам. О Зиневиче он позабыл — просто с гадливостью отбросил от себя всякие мысли о нем.

Наконец он повернулся от окна. Лицо было спокойное, но глаза стали совсем черными. Он подошел к столу, сел. Молчал еще минуту, потом совсем тихо стал говорить.

— «Идти вперед должны и будем. Красноярск не гибель, а одна из страниц борьбы. Скажу больше — это тяжелый экзамен, выдержат который только сильные и верные. Но они будут продолжать борьбу. Слабые отпадут — их нам не нужно. Крепкие пойдут со мной — их

я спасу, или погибну с ними. Но, если это суждено, то я буду с войсками до конца и своей смертью среди них докажу им свою преданность».

Подумав минуту, он продолжал: «Сегодня будет написан приказ, в котором я скажу об обстановке, создавшейся благодаря измене. Этим приказом, кроме того, я разрешу всем колеблющимся и слабым оставить ряды армии и уйти в Красноярск, когда мы к нему подойдем. Тем, кто останется со мной, я в этом приказе скажу, что нас ожидает впереди только тяжелое и страшное, может быть гибель. Но если останется только горсть, я и ее поведу. Красноярск мы должны будем обойти. Наперерез нам будут, конечно, брошены красные части — мы прорвемся. Мы должны прорваться», голос его зазвенел. — «Вы поняли — мы должны прорваться!».

Все поняли, что в это решение вложена вся воля, вся вера Каппеля в верность исповедуемой им идеи, и, подпав под гипнотическое обаяние этой воли, чины штаба, некоторые старше Каппеля годами, с каким-то детским восторгом глядели на него, а поручик Бржезовский, молодой адъютант Главнокомандующего, не выдержал и, вскочив, крикнул: «Прорвемся!» Обязательно прорвемся!»

Медленно штаб фронта двигался к Красноярску. Связь с востоком и Верховным Правителем была прервана городом изменником. Армия оказалась в эллипсисе окружения противника. Длинные стороны эллипсиса постепенно сокращались и, когда эшелон штаба фронта подошел к ст. Монино, недалеко от города, эллипсис обратился в круг. Сзади была красная армия, впереди Красноярск, с боков на сотни верст расстилалась снежная пустыня, таившая в себе неизвестность, может быть, села и деревни, тоже перешедшие на сторону противника. Телефонная связь с городом прервана не была, но телефонисту штаба делать было нечего. Каппелю, конечно, не о чем было говорить с Зиневичем, а последний тоже молчал. И вдруг телефонист вздрогнул — аппарат дал позывные из Красноярска. К аппарату вызывали генерала Каппеля. Он поручил полк. Вырыпаеву принять телефоннограмму. Аппарат, хрипя и щелкая, передал фразу: «Когда же вы наберетесь мужества и ре-

шитесь бросить эту никчемную войну? Давно пора выслать делегатов к советскому командованию для переговоров о мире».

Зная в какое возбуждение придет Каппель от этой телефонограммы, полк. Вырыпаев смущенно пошел к Главнокомандующему и, встретив его вопросительный взгляд, молча протянул телефонограмму. Каппель прочел и поднял на Вырыпаева тяжелый взгляд воспаленных от бессонных ночей глаз. Отбросив в сторону стул, он смял в руке телефонограмму, швырнул ее на пол, растоптал ногами и под бешеным ударом кулака по столу подпрыгнула и опрокинулась чернильница. Задыхаясь, машинально хватаясь за кобуру, бросил фразу: «Если бы он был здесь!»

Вырыпаев понял, что было бы с Зиневичем, если бы он сейчас встретился с Каппелем. Звеня шпорами, бросился он в телеграфное отделение. Аппарат с городом еще не был разъединен и щелкал впустую.

— «Пиши, передавай», крикнул перепуганному телефонисту. — «Скорее, сейчас — я буду диктовать», и опять, как после сцены с ген. Лебедевым, Вырыпаев увидел, как у Каппеля задрожали плечи. Смысл и, приблизительно, слова ответа, как пишет полк. Вырыпаев, был таков: «Вы, взбунтовавшиеся в тылу ради спасения собственной шкуры, готовы предать и продать своих братьев, борющихся за благо родины. И прежде, чем посылать делегатов для переговоров о мире, нужно иметь их согласие — захотят ли они мириться с поработителями России». У Каппеля захватило дыхание, в глазах поплыли черные пятна и он схватился за край стола — сказались бессонные ночи и работа сверх сил. «Всё», резко уронил он и, взяв себя в руки, отошел от стола. Но снова бешенство и презрение к изменникам охватили с силой, от которой кружилась голова.

«Нет не всё», сказал, возвращаясь к телефонисту — «Добавь — с изменниками родины я не разговариваю!»

Наиболее верные части 3-ей армии еще не подошли к Минино — связь с ними была прервана, а время не ждало — нужно было взять инициативу в свои руки. И несмотря на решение обойти город, надо полагать, с целью демонстрации, чтобы ввести противника в заблуждение и

отвлечь его внимание от своего истинного намерения, Каппель, собрав всю имеющуюся конницу, бросился в атаку на город-изменник. Пулеметными очередями, артиллерийским огнем была встречена атака и медленно навстречу атакующим вышел из города броневик. В туманном морозе было с трудом видно, что ветер рвет на нем красный флаг. Захлебнулась атака, отбита, откатилась. Позднее выяснилось, что броневик был польский под бело-красным флагом, а поляки были верными союзниками и поддерживать изменников не стали бы.

Постепенно к Минино и Заледеево подошли все части Армии. В одиночку, группами, целыми командами уходили в город, с разрешения Каппеля, все слабые и нежелавшие больше бороться. И когда Армия очистилась от них, когда в ней остались только те, кто решил бороться до конца, Каппель двинул их в обход с севера и юга города. Двигаться дальше эшелону штаба фронта было нельзя и Каппель, пропустив последние части, приказал чинам штаба выгружаться и включаться в общую колонну. Это произошло в последнюю минуту, когда генерал уверился, что сзади не осталось никого. Но на задержавшийся с выгрузкой штаб уже налетели передовые части красных. Уехавший верхом с последней частью Каппель избежал встречи с врагами, большинство штаба успело спастись и только поручик Бржезовский, крикнувший «Прорвемся», попал в плен. Большая часть документов штаба и личные вещи и документы Каппеля были захвачены противником.

Писать о том, как Армия обошла город, как она отбивалась от красных частей, высланных ей наперерез не приходится — об этом кошмарном движении полуживых людей, предводительствуемых Каппелем, писалось не раз. Но так или иначе, этот марш белых частей, значительно уступавших противнику, усталых, обмороженных, голодных, везущих с собой раненых, больных, жен и детей, нужно рассматривать как новую блестящую победу Каппеля, сумевшего вывести Армию из безнадежного положения. В этом особенно ярко проявилась сила обаяния самого имени «Каппель», бесконечная вера всех белых бойцов в своего вождя, преклонение перед его авторитетом. В сознании их, этих бойцов, для Каппеля

не было ничего невозможного и если он приказал идти вперед, значит это можно, это нужно и никакие препятствия этого движения задержать не смогут. И это движение, этот прорыв были победой, превосходящей все прежние победы Каппеля. Выведя Армию из красного кольца, он спас ее и победил.

После Красноярска, в деревне Чистоостровской, Каппель созвал совещание начальников отдельных частей. Было выяснено, что железная дорога на восток от Красноярска захвачена противником. Было решено сделать обход севернее, по льду замерзшего Енисея. Этот обход затруднялся стычками с местными партизанами, но Каппель вел Армию вперед и вывел к деревне Подпорожной, лежавшей у впадения в Енисей реки Кан. Здесь Каппель снова созвал совещание начальников для решения вопроса о дальнейшем движении. На этом совете мнения разделились. Каппель считал, что нужно дальше двигаться по реке Кан, но другая группа начальников считала, что безопаснее двигаться на север по Енисею, почти до Енисейска, а оттуда по Ангаре идти к Байкалу, Это удлиняло путь больше чем на тысячу верст и частям пришлось бы идти по почти безлюдной снежной пустыне. Каппель, учитывая это, горячо отстаивал свой вариант, но так как в обоих случаях над частями висела опасность гибели, то он разрешил своим оппонентам вести свои части по намеченному ими пути. Этим путем двинулся Барнаульский полк с полковником Богословским, отряд Томской милиции с поручиков Трухановичем и другие немногочисленные части, а Каппель с оставшейся частью Армии начал свой последний поход по Кану.

Полковник Вырыпаев, бывший все время с Каппелем, пишет в своих воспоминаниях так:

«Части во главе с генералом Каппелем стали спускаться по крутому, почти отвесному берегу порожистой и местами незамерзшей еще реки Кан, зажатой между отвесными ущельями гор, покрытых непроходимой, дикой тайгой. Обычно зимой таежные охотники проезжа-

ли по льду реки до первой деревни Барги в девяноста верстах от Подпорожной. Передовым частям, с которыми следовал и Каппель, представилась картина ровного, толщиной в аршин, снежного покрова, лежащего на льду реки. Но под этим покровом по льду струилась вода, шедшая из незамерзающих горячих источников с соседних сопок. Ногами лошадей перемешанный с водой снег при 35-градусном морозе превращался в острые бесформенные комья, быстро становившиеся ледяными. Об эти комья лошади портили себе ноги и выходили из строя. В аршин и более толщины снег был мягок, как пух, и сошедший с коня человек утонул до воды, струившейся по льду. Валенки быстро покрывались толстым слоем примерзшего к ним льда, отчего идти было невозможно. Поэтому продвижение было страшно медленным. А через какую-нибудь версту сзади передовых частей получалась хорошая зимняя дорога, по которой медленно с долгими остановками, двигалась бесконечная лента повозок и саней, наполненных самыми разнообразными, плохо одетыми людьми. Незамерзающие пороги реки приходилось объезжать, прокладывая дорогу в непроходимой тайге. Через 4-5 верст пути по Кану проводники предупредили генерала Каппеля, что скоро будет большой порог и если берега его не замерзли, то дальше двигаться будет нельзя, вследствие высоких, заросших тайгой сопок. Каппель отправил приказание в тыл движущейся ленты, чтобы тяжелые сани с больными и ранеными временно остановить и на лед не спускаться, чтобы не оказаться в ловушке, если порог окажется непроходимым.

При гробовой тишине пошел снег, не перестававший падать почти двое суток; от него быстро темнело и ночь тянулась почти без конца, что удручающе действовало на психику людей, двигавшихся вперед со скоростью одна-полторы версты в час. Идущие кое-как, прямо по снегу, на остановках, как под гипнозом, опускались на снег. Намерзший на валенках лед делал их невыносимо тяжелыми, ноги отказывались двигаться. Поэтому многие продолжали сидеть, когда нужно было идти вперед, и оставались сидеть навсегда, засыпаемые хлопьями снега. Последние дни, часы Каппеля отсчитывала

судьба. Спускаясь по скалистому берегу Кана на его предательский лед, Каппель вел Армию, спасая ее и приближаясь к гибели сам. То верхом, то ведя коня в поводу, он делил с Армией ее труд и боль, армией, которая прорываясь в бесконечных стычках и боях, полуживая, шла за ним, потому что ее вел он. В туманном сорокаградусном морозе, как в бреду, шли люди, забывшие что такое теплая изба, спутавшие день с ночью, утолявшие голод горстью муки или куском мерзлого сырого мяса, отрубленного клинком, с обмороженными черными лицами, люди готовые каждую минуту схватить заржавевшую винтовку, страшные в своих разношенных валенках и уродливых разномастных шубах, удивленно озирающиеся, если кругом было тихо и морозный воздух не резали пулеметные очереди и винтовочная трескотня — люди призраки, до идолопоклонения верящие в того, кто их вел.

А он, с каждым шагом приближавшийся к своему концу, худой, с покрытыми инеем бородой и усами, такой же голодный и промерзший, уставший еще более их, неумолимо требовал сам от себя только одного — спасти тех, кто пошел за ним, кто в него верит. Это стало его больной идеей, главным смыслом жизни, это заставляло двигаться вперед усталое тело, казаться бодрым, когда сами собой закрывались глаза, улыбаться и шутить, когда в душе была мучительная боль. И как древние полководцы или русские князья вели свои рати, возглавляя их, находясь впереди всех своих воинов, так шел этим проклятым путем впереди всех и Каппель.

Профессор Гинс пишет об этих днях так: «Каппель приказал идти. Значит какой-то просвет впереди есть и, не задумываясь над тем — куда, сколько тысяч верст, с какими средствами, — двинулись вперед». В этом абзаце у проф. Гинса слова «Каппель приказал» напечатаны курсивом. Только высокий авторитет генерала, его жертвенная работа по спасению армии, его вера в свою идею, его обаяние, передавшееся через его соратников профессору, заставило последнего выделить эти слова.

Но где-то, совсем близко, караулила, сторожила Каппеля минута страшная и неумолимая, проведенная последнюю роковую черту над итогом всей его жизни.

То верхом, то ведя коня в поводу, Каппель шел или впереди всех за проводниками или в первых рядах авангарда. Проехав верхом некоторое время, жалея коня, он спешился и, дождавшись первых рядов, бросив какую-то шутку, пошел вместе с ними, не думая, что проходит последние считанные шаги. Одетый в бурочные сапоги он месил ногами вместе со своими бойцами глубокий пушистый снег. И вдруг, провалившись в этот снег по самый пояс, он резко остановился. Промерзшие ноги вдруг обожгло, как огнем, и когда он стал выбираться из снега, бурки стали страшно тяжелыми. К нему бросились, помогли выйти из сугроба — промокшие бурки через несколько минут покрылись пленкой льда и сжали ноги. До Барги оставалось больше семидесяти верст. «Конец», мелькнуло в голове, но тотчас же отбросил эту мысль — «У них, у многих тоже, — однако идут». И он шел, не показывая вида, а ноги коченели, теряли чувствительность в бурках, твердых, как железо, неумолимо жавших, ледяных. Но ум не хотел смириться, протестовал против того, что это может быть началом конца, подхлестывал идти, подгоняла воля, шептала, что спасение только в движении, а над всем этим царило сознание долга перед теми, кто шел сзади него. Бросив кому-то поводья коня, с трудом переставляя негнувшиеся ноги, он шел. И вдруг на другой день снег для него стал вдруг розовым, лиловым, зеленым, в глазах замелькали черные пятна и всему телу стало тепло, а потом жарко. Каппель расстегнул воротник шубы, но от этого не стало холоднее, а потом в уме, который шептал одно слово «Вперед», вдруг поплыли сбивчивые, неясные картины — выплывала на миг темная шахта Аша Балашевского завода, ее сменили оглушительные приветствия Симбирского театра, загорелись страшные глаза Адмирала, а потом все заволкло серым непроглядным туманом. Он сделал по инерции еще два, три шага и упал. Но прикосновение к лицу холодного снега сразу привело в себя. С трудом поднявшись с помощью других, он хрипло прошептал — «Коня». Идти уже не было сил. Но в седле охвативший его жар сменился жестоким ознобом, от которого стучали зубы и мысли текли помимо его воли, выхватывая моменты прошлого.

Сознание меркло все больше и идущие за ним вдруг увидели, что он склонился головой на гриву коня и стал падать с седла. Когда его сняли с коня, он был без сознания, и пока откуда-то сзади подъехали сани, окруженный самыми близкими людьми, на снегу лежал как всегда подтянутый и стройный, уже прикоснувшийся к чаше смерти, Главнокомандующий. Шубами, шинелями, одеялами укрыли в санях Каппеля и он опять, уже без сознания, двинулся впереди своих частей.

Но судьба караулила его и смерть отступить не хотела.

Через несколько верст, на какой-то остановке, ползья саней провалились в глубокий снег и, попав в протекавшую под снегом воду, сразу примерзли к льду. В это время Каппель пришел в себя, — он освободил голову из под шуб и резко, коротко бросил: «Вперед в Баргу — там будет лучше всем!», но снова закрылись глаза и бред охватил измученное тело. Примерзшие сани оторвать было невозможно. Тогда к ним подвели коня, несколько человек посадили Каппеля в седло, а сбоку его встал богатырского сложения доброволец верхом. Он охватил генерала за талию, чтобы тот не упал с коня, и шагом двинулся с ним опять впереди растянувшейся ленты армии. Дикие берега смотрели на этот предсмертный марш Каппеля и черные сосны безлюдного Кана провожали того, кто видел широкие Волжские просторы и знал там блеск ослепительных побед.

Медленно, шагом, вел умирающий Главнокомандующий Армию, которую должен был спасти. Верстах в двадцати от Барги он пришел в себя. Сначала охваченный жаром мозг не мог разобраться в происходящем — генерал видел себя на какой-то высоте, кто-то крепко держал его за талию, и впереди и сзади в темноте ночи чуть виднелась черная лента саней. Потом он понял, что сидит верхом, успел подумать — «Верхом, значит лучше», и снова охватил серый туман. Недалеко от Барги, где дорога стала лучше, его снова положили в сани. В теплую, большую избу в Барге внесли генерала. Быстро сняли шубу и, с трудом разрезав, стащили примерзшие к ногам бурки. От колена до ступни ноги были белые и одеревенели. Пока разыскали врача, шедшего с какой-то

частью, несколько человек оттирали снегом отмороженные ноги. Икры постепенно стали отходить и становиться розовыми, но пальцы и пятки к жизни не возвращались. Каппель метался в бреду, что-то приказывал, что-то требовал. Наконец запыхавшийся доктор прибежал. Одного взгляда было достаточно — «Пятки и часть пальцев сейчас же ампутировать», и после этих слов врач безнадежно развел руками — операцию было произвести нечем — все инструменты пропали где-то в походе. Весь трясаясь от слабости после перенесенных тифов и сумасшедшего перехода, полк. Вырыпаев тихо спросил врача:

— «А иначе?»

Доктор опустил голову — «Иначе гангрена и конец», шопотом произнес он. И вдруг его взгляд упал на лежащий на столе кухонный нож. Он неуверенно взял его в руки, осмотрел, задумался, а потом привыкшим к приказам в госпиталях голосом распорядился — «Спирту — скорее». В топящейся печке докрасна прокалили нож, протерли спиртом, и доктор склонился к ногам Каппеля.

Весь день и следующую ночь бредил Главнокомандующий, но на утро пришел в себя. Узнав об операции, он на минуту задумался, а потом, приподнявшись на постели, приступил к организации порядка движения, вызывая к себе начальников частей и отдавая необходимые приказания. Так прошел день, больному становилось то лучше, то хуже, но сознания он не терял. На другое утро, наладив движение и убедившись, что большая часть Армии уже прошла Баргу, Каппель решил двинуться дальше и сам. В Барге, у богатого мехопромышленника, нашли большие удобные сани, в которые хотели уложить больного оперированного генерала. Услышав это, он удивленно взглянул на окружающих:

— «Сани? Это напрасно — дайте мне коня». Все переглянулись, думая, что он снова бредит, но повысив голос, тоном строгого приказа Каппель повторил — «Коня!».

Очистившийся от бреда мозг сказал ясно и определенно, что его появление верхом успокоит встревоженные его болезнью части и подымет их дух — свое влияние на армию он знал хорошо. Сжавшего зубы от боли,

бледного, худого, страшного генерала на руках вынесли во двор и посадили в седло. Он тронул коня и выехал на улицу — там тянулись части его Армии и, преодолевая мучительную боль, общую слабость, разгоняя туман застилавший мозг, Каппель выпрямился в седле и приложил руку в папахе. Он отдавал честь тем, кого вел, кто не сложил оружия в борьбе. И с закутанными одеялом ногами он двинулся с Армией, совершая свой последний путь. Стоять и ходить он не мог. На ночлегах его осторожно снимали с седла и вносили на руках в избу, где чуть обогревшись, он, лежа в кровати, приступал снова к своим обязанностям Главнокомандующего, вызывая отдельных начальников, отдавая приказания, направляя движение. Так продолжалось больше недели. Каппель боролся со смертью, но она подходила все ближе. Состояние генерала снова ухудшилось — жар не спадал, пропал аппетит, временами он терял сознание. Смерить температуру врачи не могли, так как термометра не было. Сосредоточив внимание на обмороженных ногах, врачи не обратили внимания на появившийся у генерала кашель. Силы падали, держаться в седле он уже не мог, и его снова уложили в сани.

Верстах в тридцати от Нижнеудинска был большой бой. Противник был разбит и отступил. Руководить лично боем Каппель уже не мог, но когда доложили ему о результатах, он чуть улыбнулся — «Иначе быть не могло», чуть слышно проговорил он. В селе Ук умер от тифа начальник Самарской дивизии генерал Имшенецкий, вышедший на борьбу с красными со всеми своими сыновьями. В Нижнеудинске, который был занят после короткого столкновения с красными, Каппель собрал на совещание начальников отдельных частей. Температура у него была высокая и, одеваясь перед совещанием, он опять потерял сознание. Но придя в себя, он провел все это совещание, отдав нужные приказания. Собрав все силы, он боролся со смертью. Страстно любя жизнь, раб своего долга, искалеченный, больной, символ борьбы с красным злом, он не хотел сдаваться.

После Нижнеудинска движение Армии шло параллельно железной дороге, часто подходя вплотную к ней. Эшелоны, большей частью чешские, двигались сплош-

ной лентой. Чехи хорошо знали Каппеля по Волге и относились к нему с большим уважением, правда, это относилось к отдельным небольшим начальникам, но отнюдь не к Сыровому и его штабу. Полк. Вырыпаев не раз подъезжал к этим эшелонам и чехи, узнав о состоянии Каппеля, предлагали вывезти его, гарантируя секретность и безопасность, давая место для сопровождающих его двух-трех человек. Полк. Вырыпаев пишет об этом так: «На все мои доводы генерал Каппель отвечал, что в такой тяжелый момент он не оставит Армию, а если ему суждено умереть, то он готов умереть среди своих бойцов». Закончил он фразой: «Ведь умер генерал Имшенецкий среди своих и умирают от ран и тифа сотни наших бойцов». После этого говорить с ним на эту тему было бесполезно».

20-го или 21-го января, как пишет тот же полк. Вырыпаев, Каппель, чувствуя, что его оставляют последние силы и что бороться со смертью он уже не может, отдал свой последний приказ о назначении Главнокомандующим Армиями восточного фронта генерала Войцеховского.

После этого он уже почти не приходил в сознание. Силы падали с каждым часом, но армия двигалась вперед, и среди нее в санях, укрытый шубами, ехал и умирающий Каппель.

25 января и в ночь на 26-ое он не приходил в сознание, бредя армией, охранением флангов. На исходе ночи он на мгновение пришел в себя и наклонившийся к нему полк. Вырыпаев с трудом разобрал шопот:

— «Как я попался. Конец...»

Это страшное слово не побоялся произнести человек и вождь, прощаясь с жизнью, еще совсем короткой (ему было 37 лет), бесстрашно и спокойно, ибо совесть его была чиста, — как солдат, уходивший в иной мир среди своих соратников, разделив с ними и радость побед и горечь поражений, понесенных не по его вине.

На улице было еще совсем темно, но полк. Вырыпаев, не выдержав всего происходящего ужаса, бросился к стоявшему около остановки румынскому эшелону. Всю первую германскую войну, все ужасы гражданской войны видел он, пережил гибель многих близких друзей-

соратников, очерствел, потерял способность, как самому казалось, тяжело переживать какие бы то ни было потери, но теперь, бегом направляясь к румынскому эшелону, чувствовал, что набегающие слезы туманят глаза. В теплом, уютном купе разыскал он врача К. Донец. Имя Каппеля было известно и румынам и, захватив нужные инструменты, Донец с Вырыпаевым направились к дому железнодорожного сторожа, где лежал Каппель. Быстро осмотрев и прослушав лежащего в бреду генерала, врач отвел Вырыпаева в сторону и шопотом ему сказал: «Он умрет через несколько часов».

По определению доктора у Каппеля было двухстороннее крупозное воспаление легких — одного легкого уже не было, а от второго осталась лишь часть. Больной генерал был перенесен в румынский лазарет. Поезд скоро тронулся. Когда в 11 часов 50 минут утра, 26-го января 1920-го года, румынский эшелон подходил к разъезду Урей, сердце Каппеля остановилось.

В Армии, получившей имя Каппелевской, передавали, что последними словами генерала были:

«Пусть войска знают, что я им предан был, что я любил их и своей смертью среди них доказал это».

Может быть, это и не было сказано, но что умерший Главнокомандующий имел полное право сказать именно так — против этого спорить никто не будет. Кто знает, какие мысли жгли в бреду мозг Каппеля в его последние часы, но что они текли на фоне бесконечных снежных просторов Сибири с прочертившей их черной лентой армии, которую нужно спасти, не шадя себя — это тоже бесспорно, так как он был весь пропитан этим своим высоким, единственным среди белых вождей, служением.

В деревянном гробу, с армией, умерший Главнокомандующий продолжал свой путь.

Как на самую большую ценность, как на символ неутраченной ни на миг борьбы смотрели полужамерзшие люди на этот гроб, и не хотели, не могли верить совершившемуся.

И вдруг вспыхнул, родился невероятный слух — **Каппель жив**, его больного увезли в эшелоне чехи или румыны или поляки. А в гробу положено золото.

которое Каппель получил от Адмирала. Шопотом передавали друг другу это самоутешение, самообман — здесь должна быть строгая конспирация, чтобы красные не потребовали от чехов, румын или поляков выдачи генерала.

Смириться с его смертью люди не могли. А рядом с гробом в санях нес неотступно несменяемый караул верный соратник генерала полковник Вырыпаев.

Приведенные в порядок Каппелем после Красноярской драмы части шли на восток. Молодой георгиевский кавалер, генерального штаба генерал Войцеховский, которому Каппель перед смертью вверил Армию, вел ее. Отсчитывали промерзшими валенками версты, сотни, тысячи верст и вот, наконец, где-то недалеко замаячили огни Иркутска. Там, в камере с зарешеченным окном, находился предательски выданный чехами, с ведома и разрешения ген. Жанена, Адмирал Колчак. Генерал Войцеховский решил взять Иркутск. Но от замещающего Сырового начальника 11-ой чешской дивизии, полк. Крайчий, на имя ген. Войцеховского пришла телефонограмма, что он «ни в каком случае не допустит занятия Глазкова (предместье Иркутска). К цепи предательств прибавилось еще одно звено. И в февральский жестокий мороз, обойдя Иркутск, Каппелевская Армия — она так стала называться официально, вышла к Байкалу.

Писать о переходе через Байкал не приходится — об этом написано и так немало, но понять ужас этого перехода могут только те, кто его совершил.

Гроб с телом генерала Каппеля двигался непосредственно за головным отрядом волжан, под командой молодого генерала Сахарова, однофамильца бывшего Главнокомандующего. Плохо подкованный конь, везший сани с гробом, несколько раз падал на гладком льду и, наконец, отказался встать после одного такого падения. До Мысовской, куда шли каппелевцы, оставалось около 50 верст. Вокруг саней столпилась группа людей, не знавших, что делать дальше. Кто-то робко предложил спустить гроб под лед, но все остальные резко запротестовали. Оставить тело Каппеля было психологически невозможно. И вдруг доброволец-волжанин Самойлов,

ехавший верхом на маленькой забайкальской лошаденке, спрыгнул с седла и подвел ее к саням. «Запрягайте», сказал он коротко, не спуская глаз с гроба.

На рассвете каппелевцы вошли в Мысовскую — поход был окончен. На другой день была отслужена первая панихида по воине Владимире, и многие из тех, кого он вывел, увидя в гробу мраморное лицо вождя, не могли удержаться и плакали, как дети, огрубевшие, видевшие не раз в глаза смерть, но верившие в него до конца.

Почетным караулом, рыдающими траурными маршами встретила Чита тело Каппеля, и сам глава Забайкалья, Атаман Семенов, преклонил перед гробом колени.

О похоронах Каппеля полк. Вырыпаев пишет так: «В день похорон в Чите творилось что-то невероятное. Не только храм, но и все прилегающие к нему улицы были заполнены самым разнообразным по своему виду народом, не говоря уже о прекрасных забайкальских частях, стройно шедших во главе с оркестром, игравшим похоронный марш. Такого скопления народа на похоронах я, проживший долгую жизнь, никогда не видел».

Осенью 1920-го года гроб с телом ген. Каппеля был перевезен в Харбин и там погребен около алтаря бывшей военной Иверской церкви. Черный гранитный крест, у своего подножья охваченный терновым венком, и надпись на белой мраморной доске —

**«Генерального штаба генерал-лейтенант
Владимир Оскарович Каппель»**

— тридцать пять лет сторожили последний покой вождя.

В 1945-м году в Харбин вошли советские части. Красноармейцы не раз бывали у могилы Каппеля, но никто из живших тогда в ограде церкви не слышал от них никаких выпадов. «Каппель — вот он где» — почешут затылок и отойдут. Но в 55-м году, по приказу советского консульства, памятник был снесен.

Но помнят жившие в Харбине, а теперь разбросан-

ные по всему свету Каппелевцы последнее место упокоения своего Главнокомандующего, ведшего их по снежным сибирским просторам; помнят накрепко, до конца жизни, и его самого.

И каждый год 28-го июля, в день его Ангела, во время литургии многие священнослужители нашей свободной от красного ига церкви читают записки об упокоении раба Божия **воина Владимира**.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление — — — — —	5
Генерал Каппель — — — — —	9
Часть 1 — — — — —	14
Часть 2 — — — — —	55
Часть 3 — — — — —	91

Printed by "Unification" Printers & Publishers Pty. Ltd,
497 Collins St., Melbourne 3000

Напечатано в типографии газеты «Единение»

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

DK254
.K23
F4

Цена \$1.50